

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНА
САКРУ

Мой
самый-самый
БЫВШИМ

18+

Ана Сакру
Мой самый-самый бывший.
Серия «Керэфовы-Лютики», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68953656

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда вам двадцать, вы уверены, что главное – это любовь. Все остальное приложится. Вместе с любимым, идя рука об руку, вы всё сможете, всё преодолеете, всё переживёте. Весь мир у ваших ног! Но, когда вам становится ближе к сорока, оказывается:– что преодолеть вы можете далеко не всё- что даже в самом радужном мире могут сдохнуть розовые пони- что кризисы среднего возраста и отношений не выдумки психологов, а вполне реальные проблемы, которые сложно пережить. Пережить и вспомнить, с чего начиналась эта любовь. Повествование от обоих героев. 1 ТОМ. Второй "Мой самый-самый..." уже на сайте.

Содержание

Глава 1 Лиза	4
Глава 2 Лиза	28
Глава 3 Сашка	40
Глава 4 Сашка	55
Глава 5 Сашка	76
Глава 6 Сашка	91
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ана Сакру

Мой самый-самый бывший.

Глава 1 Лиза

Лиза.

Я сползаю по спинке и вытягиваю ноги, положив их на соседний стул. Тело устало гудит. В голове шум от долгого пребывания на солнце и почти бутылки выпитого шампанского на пару с Кирой, моей университетской подругой, которая приехала со своим мужем на наш курорт в эти январские праздники.

Кухня- гостиная, занимающая практически весь первый этаж моего дома, слабо покачивается перед глазами в такт тихо плескающемуся белому вину у меня в бокале.

Да, я в курсе, что мешать нельзя.

Но настроение такое, что... Лучше бы водки.

Взгляд рассеянно скользит по просторной столовой зоне, погруженной в полумрак. Пустой дом обволакивает меня непривычной тишиной – обычно у нас достаточно шумно. Настолько, что иногда я не слышу даже собственных мыслей. О желаниях нечего и говорить. Их я давно потеряла в этой бесконечной однообразной суете устоявшейся, расписанной

жизни.

Муж, дети, собака, родственники, друзья, работники... Вечно к нам кто-то заходит, вечно всем что-то надо...

В нашем поселке, и уж тем более в нашем гостиничном комплексе, не сильно принято решать вопросы по телефону. Зачем, если можно просто сделать пару шагов и вломиться в нужный дом. Помню, первые лет пять меня это даже умиляло...

За запахнутыми тяжелыми гардинами панорамные окна практически в пол, за ними огни засыпающего курорта, вечная зелень сосен, чернота бездонного неба и белоснежные горы... Ты словно смотришь на умопомрачительные обои на рабочем столе своего ноута, отснятые талантливым фотографом.

Влюбляет. Завораживает.

Вот только это жизнь, и эти "обои" не поменять щелчком мышки. Я приговорена разглядывать их вечно. От этой мысли в груди ожидаемо ширится едкая тоска. Я так устала, боже...

Неужели это навсегда?

Делаю маленький глоток, вино противно кислит на языке. Открытая бутылка стояла в холодильнике уже давно и, похоже, все-таки выветрилась. Плевать... Еще отпиваю и прикрываю глаза, пытаюсь расслабиться, пока вокруг безлюдно и тихо. Всю нижнюю половину лица сводит от того, как много и натужно я сегодня улыбалась Кире, пытаюсь убедить и

ее, и себя заодно, что у меня все хорошо. Не то, чтобы мне хотелось ей врать, но чем она мне поможет? Я сама-то себе помочь не могу... Я просто не знаю как. Только смириться и радоваться тому, что есть. И я честно пытаюсь.

Чаще всего это достаточно просто. Ежедневные хлопоты кружат тебя в привычном ритме, и нет ничего, кроме смутного ощущения скуки и дня сурка.

Но бывают дни...

Такие, как сегодня.

Когда ты отчетливо видишь, какой жизнью ты могла бы жить (на примере той же самой подруги, успешного московского юриста), и уже не будешь жить никогда. Потому что твой дом там, где твоя семья. Твоя семья – это прежде всего твой муж. А твоему мужу кроме этой чертовой горной деревни в сто домов и возможности двести дней в году торчать в лесу или в горах, больше ничего и не надо.

А что надо лично тебе, никому не интересно. Мы же выходим ЗАмуж, да?

Хлопок входной двери заставляет нервно вздрогнуть и чуть не опрокинуть наполовину пустой бокал. Приподнимаюсь на стуле, чтобы посмотреть кто там, и обратно лениво стекаю по спинке, прикрывая глаза, но перед этим взглянув на настенные часы. Пол двенадцатого...

Ощущение, что одиночество нарушено, давит и вызывает глухое раздражение.

– Ты рано, – ехидничаю я, делая еще глоток этой убий-

ственной кислятины у меня в фужере.

Вместо ответа щелкает выключатель. Гостиную заливают электрическим светом, и я раздраженно морщусь от рези в глазах.

– Бухаешь? – летит мне в тон от мужа, который, и не думая мыть черные черти от чего руки, сразу лезет в холодильник, – Лиз, что пожарить есть?

– Ничего, я не готовила, я с Кирой весь день была, – лениво пожимаю плечами, наблюдая за хмуро вззирающим на пустые полки Сашкой. Не выдерживаю и едко добавляю, – Мог бы, кстати, и подойти поздороваться.

– А ты могла бы принести еду из ресторана, – муж поджимает губы, стреляя в меня своими льдистыми серыми глазами. Дверь холодильника с грохотом захлопывается. Сашка лезет в морозилку, глухо бурча, – И Кире твоей на хрен мои приветы не нужны. У меня были поважнее дела.

– Мог бы тогда сам зайти на кухню ресторана и поесть между своими важными делами, – парирую равнодушно.

– А детей тоже в ресторан отправила? – косится с сарказмом на меня.

– Алиса пошла ночевать к бабушке, Левка отпросился к Тихонову. Думаю, и там и там им что-нибудь дадут, – покачиваю фужер в руке.

– Ясно. Пельмени сварить? – еще один режущий взгляд через плечо.

– А сам? – выгибаю бровь, поднося к губам бокал.

Внутри тихо подкипает. Это обязательно – меня со стула поднять, да?

– Я грязный как черт. Я в душ хочу и переодеться, – Сашка кидает пачку замороженных пельменей на кухонный островок, тяжело смотря на меня.

– Кто же тебе виноват, если сам лезешь машины чинить, будто у нас больше некому в старом пазике ковыряться, – закатываю глаза.

Шумно вздохнув, встаю. Муж складывает руки на груди, наблюдая, опирается задницей о кухонную столешницу. Передергивает – его джинсы выглядят так, будто он снял их самого бухого в регионе механика.

– Михалыч просил помочь... Считаешь, не барское это дело, да, Лиз? – подкальывает меня Сашка, сверкнув серыми глазами, – Надо оставлять холопам? А то статус сразу не тот, м?

Игнорирую, только плечевой корпус напрягается. Похоже, не одна я сегодня не в настроении.

Приезд Киры вообще всегда будоражит не только меня после того, как лет пять назад она, не разобравшись, пьяная, предлагала Сашке деньги, чтобы он "наконец расширился, построил отель хотя бы в Сочи и вывез семью из этого захолустья". Теперь он с ней не общается. Совсем. И косо смотрит, накручивая себя, когда общаюсь я. И это напряжение, оно плотным облаком сейчас повисает между нами на кухне. Сгущается так, что меркнет электрический свет.

Сашка думает, что я жалуюсь ей на него... И от этого бешусь. А я бешусь от того, что на самом деле молчу и никому ничего не говорю...

Кроме него самого.

А меня уже разрывает от желания сказать. И попытаться как-то вырваться из этого замкнутого круга.

Прохожу мимо мужа к кухонному шкафу, в нос врзается запах солярки. Морщусь, доставая кастрюлю и, не глядя на Сашку, бросаю.

– Ты хотел идти мыться – иди.

Пельмени медленно всплывают в кипящей воде. Доливаю в бокал остатки вина и выкидываю в мусорку бутылку. Усталость, раздражение и длинный день награждают легким чувством дурноты. Сашка возвращается в гостиную, когда выключаю конфорку. С его потемневших от воды волос практически капает, хлопковая ткань серой футболки влажно липнет к широкой груди. Даже эти мелочи меня сейчас триггерят. Муж вообще не в состоянии нормально пользоваться полотенцем...

Ставлю тарелку с пельменями на стол, пока Сашка выуживает из холодильника сметану и бутылку пива.

Рассаживаемся напротив друг друга. Молчим. Он увлечен своими гребаными пельменями, а я – остатками кислого вина.

– Как посидели? – мне достается быстрый взгляд испод-

любя, просверливающий насквозь.

– Хорошо, – поджимаю губы, крутя между пальцами тонкую ножку бокала, – Мы на склон пошли. Кирин муж там катался с приятелем, а мы в "Пике" на террасе проторчали почти целый день.

– Я так и понял, у тебя лицо загорело, – замечает Сашка, опуская взгляд в тарелку, будто еда выглядит гораздо интересней, чем собственная жена, – Всем кости перемыли?

– Нет, только тебе, – не сдержавшись, ехидничаю я.

И тут же жалею об этом, потому что Сашка награждает меня таким взглядом, что вино встает комом поперек горла.

– Мне что? Теперь ждать очередного "щедрого предложения" от твоей сердобольной подружки? – он разваливается на стуле напротив, оставив практически доеденные пельмени, и тянется за пивом.

– Саш, она не хотела тебя обидеть тогда. Мы об этом уже говорили.

– Ну да, я понял, что она тебе помочь хотела, – кивает Сашка, делая большой глоток прямо из бутылки. Серые глаза расстреливают в упор, губы кривит нервная снисходительная усмешка, – Тебе же, Кисуль, помощь нужна, да? От меня...

Ему все никак не успокоиться, Господи...Пять лет прошло! Как же бесит!

– Что? Я...А знаешь, я задолбалась оправдываться! – взвиваюсь я, чувствуя, как сердечный ритм стремительно

скатывается в тахикардию. Внутри взрывается темное и густое раздражение, которое я так усиленно в себе прессовала, – Видимо нужна, если посторонние люди предлагают, а ты всё забыть этого не можешь!

– А может они предлагают, потому что ты рассказываешь им всякую херню? – рычит в ответ Сашка, сжимая стеклянную бутылку в руке так, что, кажется, она начинает похрустывать.

– Это какую же, например? – мурлычу ядовито, махом допивая свой бокал, – Что выходила я замуж за другого человека? Эту херню? Так Кира и без меня это знает.

У Саши усмешка на лице каменеет, превращаясь в неприятный оскал. Серые колючие глаза суживаются.

– И какого же другого ты выходила? Прямо интересно... – глухо тянет, – Просвети.

От него таким давящим холодом в этот момент веет, что я непроизвольно ежусь и встаю со стула. Под пристальным взглядом мужа убираю его тарелку и иду с ней к раковине. Все, лишь бы увеличить расстояние между нами. Начинает трясти.

– Не надо делать вид, что ты не понимаешь, о чем я, – нервно бросаю, не смотря на мужа и выкидывая остатки пельменей в мусорку, – Мы, когда женились, ты был другим.

У тебя столько планов было, ты постоянно стремился к чему-то большему, тебя было не остановить. А сейчас...

Кусаю щеку, хмурясь и сосредоточенно продолжая отмы-
вать уже скрипящую под моими пальцами тарелку. Сзади по
полу скрипит стул. Вслед за мной встал... Спина деревенеет.

– А сейчас? – передергивает Сашка мои интонации, под-
ходя и упирая кулаки в столешницу, поворачивает ко мне го-
лову, прожигая профиль нездорово поблескивающими гла-
зами, – Ну? Что сейчас, Кис? Ничего не хочу, да?

Поворачиваю к нему голову. Поджимаю губы, выдержи-
ваю враждебный взгляд. Это мое молчаливое «да».

Пару секунд мы молчим, просверливая друг друга, а по-
том мужа подрывает. И он с размаху бьет кулаком по столу.
У меня из рук валится в раковину тарелка.

– Ты, блять, Лиза, такая интересная! – орет, – Это у тебя
какие –то неосуществлённые фантазии в голове! И в этом
почему-то я виноват! Я!!! Который от тебя никогда не скры-
вал, что я из себя представляю и чего на самом деле хочу! И
я добился того, чего я хочу! И до хрена работал ради этого!
Я свою жизнь сам построил! Сам!!! И да! Представь себе,
меня эта моя жизнь полностью, сука, устраивает!

Сашка хватает меня за локоть, резко притягивая к себе,
и зажимает между своим телом и столешницей. Становится
нечем дышать от того, как близко ко мне его перекошенное
злостью лицо. Замираю, только пульс долбит по всему телу.
Качает.

– Я никогда не скрывал, что мне на хрен не нужны деньги твоего отца, сети отелей, яхты, клубы, гонка за карьерой и вся эта херня, – рычит муж глуше мне прямо в лицо, отчего по спине озноб, – Что большой город мне на хрен не нужен. Никогда не скрывал! И ты...

Сашка болезненно тычет мне пальцем чуть пониже яремной впадины.

– Ты, Киска, клялась, что тебе тоже это ничего не нужно. Ты блять клялась мне! Что. Никаких. Разговоров. О. Том. Что. Жалеешь. Не. Будет. Да?! – чеканит слова, токая пальцем меня в грудь.

– Так что это я брал другую девчонку, ясно? – наконец отступает на шаг.

Судорожно втягиваю воздух, смотря, как Сашка нервно проводит обеими руками по волосам и сцепляет ладони на затылке.

– К черту, я спать, – бормочет.

Взгляд его потухает, затягиваясь непробиваемым равнодушием, которое ранит в сотни раз сильнее, чем любой его крик или грубые слова. Это как в сердце ледяную иглу вколоть. Меня всю морозит.

– Может не такая уж она была другая, – хмыкаю дрогнувшим голосом, обнимая себя за плечи.

– Точно не смотрела на меня как на кусок дерьма, – парирует муж ровно.

– Может ты просто повода ей не давал? – выгибаю бровь.

У Сашки опять в глазах мелькает что-то. Злое, почти безумное. Такое сильное, что прорывается даже сквозь плотную маску отстранённости на лице.

– Может тебе просто уже пойти и поискать кого-нибудь посolidнее и перестать трахать мне мозг? – скалится в беспечной усмешке.

– Хочешь развестись? – немеющими губами интересуюсь я.

– Это ты походу хочешь, – пожимает Сашка плечами, продолжая болезненно улыбаться, – Наверно, мечтаешь успеть получше найти, пока песок на посыпался, а, Кис? Уже ведь не двадцать, да?

Я сама не понимаю, от чего его голову вдруг резко мотает вправо, а у меня начинает нестерпимо жечь ладонь. Хлесткий звук пощечины словно застрекает в пространстве, множась с каждой секундой. Застываю в моменте в шоке от самой себя.

Да, мы часто ругаемся, но такого не происходило никогда...

Сашкина рука взмывает в ответ к моему лицу на автомате, но застывает в воздухе на полпути, и он вперяет в меня непроницаемый взор. Медленно касается пальцами розового пятна на своей заросшей щеке. Трет его, словно до конца не веря, что оно там появилось.

– Какой-то новый уровень, да, Лиз?

Вместо ответа закрываю глаза. Именно сейчас его взгляд

вынести совершенно невозможно. Лицо горит, ладонь горит. Грохот перевернутого стула и Сашкины удаляющиеся из гостиной шаги.

Лиза

В нашей спальне так тихо, что я кажется слышу, как шумит моя кровь, бегущая по венам. Электронные часы на прикроватной тумбочке показывают 02:34.

Сашки нет.

Не то, чтобы ему некуда было пойти в собственном гостиничном комплексе. И я даже отлично знаю все места мужниных гордых одиночных ночевок, но все равно это невероятно бесит. Каждый раз.

Чуть что – он в кусты. Трус...

Я вот не уйду никогда.

Рвано всхлипываю, пялясь сухими воспаленными глазами в звездное небо за приоткрытым окном. Мне так одиноко и тревожно, что хочется взвыть на луну. Каждый раз, когда он так сваливает после ссоры посреди ночи, мне кажется, что этот раз – последний. И такая паника накрывает. Липкая, всеобъемлющая, животная. Мне страшно.

Я не представляю жизнь без него. И вместе с тем с ним вот так дальше тоже плохо представляю. Я до смерти устала от закрытой камерной жизни в маленьком поселке среди гор, где и сходить-то некуда, кроме собственного ресторана,

а до ближайшего города с населением в полмиллиона ехать в лучшем случае три часа. А то и все шесть.

Я устала. Я горожанка. И мне необходимо какое-то дело, любимое дело, как у моего мужа, иначе, оказывается, я схожу с ума.

И я узнала о себе это слишком поздно, когда уже оказалась здесь замужем за обожаемым, действительно обожаемым мужчиной и с двумя детьми на руках.

Поначалу все было так просто и радужно. Первая любовь. Сильная. Такая, что мне на все стало наплевать, лишь бы с ним. Сашка любит горы, значит поеду за ним в горы – не вопрос. Любил бы болота с комарами размером с кулак – я бы и там с удовольствием пожила.

Тем более, казалось, что устремления у нас общие, картинки будущего похожи как две капли воды. Мы познакомились при поступлении на заочку. Я шла на второе высшее, уже учась на третьем курсе на дневном, чтобы выпуститься с большим багажом знаний и умений, и быть более эффективной в сфере гостиничного бизнеса. Сашка же с приятелем, уже тогда имея небольшой хостел, выиграла тендеры на постройку гостиничного комплекса, и мой будущий муж, не имея профильного образования в сфере услуг, решил пойти его получить. Его стремление расширить хостел, построить топовую туристическую базу с семейным комплексом я тогда восприняла, как желание безостановочно двигаться вперед, здоровый карьеризм.

Почему-то для меня самой собой подразумевалось, что за этим комплексом будет другой, и еще, и еще, и еще. Разные города, разные страны. Все как у моего отца, владеющего достаточно обширной сетью гостиниц, раскиданных по всему миру.

Я быстро нашла себе занятие рядом с Сашкой, взяв на себя рекламу и маркетинг. Мне всегда это нравилось. Это было мое. В личных отношениях у нас тоже царила идиллия. Да и как еще может быть, когда вам чуть за двадцать и вы только поженились. Любая проблема и ссора забываются через пять минут при активном обмене жидкостями с партнером. Мы таким нехитрым способом урегулировали даже микро скандалы по поводу того, кто выпил весь кефир.

Лучшее время в моей жизни.

Потом у нас родился Левка, а через два года Алиса, и, получается, как и у любой молодой матери, у меня особо не было времени рефлексировать следующие лет пять, так как материнство я активно совмещала с работой. Благо, самой работы стало гораздо меньше. Сашкин гостиничный комплекс был полностью достроен и заимел отличную репутацию как семейного, так и туристического центра. А развиваться дальше, как оказалось, мой муж не хотел... И сильно удивился, узнав, что этого бы хотела я. Его "зачем?" и искренний непонимающий взгляд я помню до сих пор.

Зачем...

Ему это просто незачем. Мой муж – больной на голову

альпинист и походник. Этот факт, который восхищал меня в начале нашей семейной жизни, казавшись дико романтичным, доводит до зубовного скрежета сейчас.

Сашке не был интересен гостиничный бизнес как таковой, ему всего лишь была необходима хорошая материальная база, чтобы минимум два раза в год можно было спокойно выбрасывать фантастические суммы на поездки в Гималаи, Анды, Эфиопское нагорье и еще черт знает куда, и там таскаться на самые высокие мировые пики, подвергая себя смертельной опасности.

Плевал он на сети отелей, развитие бизнеса и возможный переезд в крупный город, чтобы удобней было вести. Мой муж хотел и хочет только, чтобы его Домбайское детище работало как часы, отнимая как можно меньше сил и времени, а он бы спокойно водил туристические группы по горам, потому что ему это тоже нравится, и путешествовал.

Я, конечно, тоже могу путешествовать. Без проблем. Вот только не с ним. Вернее, можно и с ним, но меня уже тошнит от палаток, спальников и восьмидесяти литровых рюкзаков, а Сашку не затащишь в отель на берегу океана. Он просто не будет отдыхать так, как хочу я. "Езжай с детьми", "езжай с подружками", "я же не запрещаю, Кис, не понимаю, что не так".

И вот так каждый раз. И во всем. Во всем у нас так. Есть Сашин вариант, как надо. Он не обсуждается. Ведь он – мужчина и кормилец семьи. А я, если хочу, могу попробовать

что-то сделать сама. Лишь бы его не втягивала.

Но я мечтала, что мы все будем делать вместе...

Ну вот где он ходит, а?

Неужели настолько предпочтительней растянуться на какой-нибудь скамье в парилке в банном комплексе, чем дать нам шанс помириться...

Может я извиниться хочу? Ненавижу.

Я утыкаюсь лицом в подушку, отворачиваясь от окна, прикусываю наволочку, жмурюсь. Сна ни в одном глазу. Сердце частит. Ненавижу, когда он не дома. И ладонь до сих пор будто жжет от этой дурацкой пощечины. Чешется... Я просто хочу посмотреть ему в глаза и увидеть в них, что и это мы пережили. Мне стыдно, да... Я наверно сама все сегодня начала. Или все же он? Мне, на самом деле, не важно.

Рука сама тянется к телефону. Сжимаю в ладони металлический корпус, снимаю блокировку с экрана. Ни звонков, ни сообщений... Написать самой? Я кусаю губы, решаясь.

Я все равно не усну...

Оттягиваю неловкий момент, вспоминая и вспоминая нашу жизнь, словно она крутится в голове на перемотке.

Когда дети немного подросли, я начала откровенно скушать, занимаясь рекламой гостиничного комплекса, которой, благодаря нашим рейтингам и уникальной занятой нише семейного туристического центра, заниматься уже особо и не требовалось. Работая на Сашку, я достигла в этом потолка, никакого особого хобби у меня не было. Дети росли и росли,

окруженные помимо меня, целой толпой родственников со стороны Сашкиной мамы и отчима, живущих практически через дорогу, а также оравой персонала нашей базы. Сашка все так же водил группы от профессиональных до детских, решал какие-то организационные вопросы по текущему ремонту и обеспечению, периодически улетал в те же горы, только в другие страны.

А я...? А я оказалась "просто жена".

И я стала думать, что дальше, так как "просто женой" меня быть не устраивало. В итоге выход нашелся, казалось бы, очевидный. Я устроилась работать к своему отцу. У него к тому моменту была небольшая сеть отелей на черноморском побережье разной классности плюс гостиница в Краснодаре. Жизнь снова забила ключом. Я расцвела. Работы валом – сложной, разной, интересной. Бесконечные встречи, семинары, командировки, знакомства, график, расписанный по часам.

Вот только через пару месяцев стало очевидно, что в этот график не помещается семья.

Особенно учитывая, что и Сашка на месте никогда не сидел.

Мы перестали видеться. Вообще. Когда я возвращалась из очередной командировки, он собирался в лес, или уже торчал где-нибудь в горах. Я улетала, и он возвращался обратно. Еще и дети. Левке шесть, Алисе четыре. Все время с бабушкой. Такие еще малыши... Меня прожигало чувством вины

навылет. Они плакали, когда я улетаю, а я тихо редела в самолете потом.

Саша тоже потихоньку начал выходить из себя. Ему не хватало жены дома, тепла. Он привык получать любовь от меня в любой момент, в любую секунду. Я сама посадила его на это. На свое обожание. А теперь его в должной мере дать не могла. Он молчал, не говорил особо ничего, лишь один раз выдал, что с точки зрения материальных благ у нас все есть и работать мне не нужно. На этом все. Не упрекал. Но, мне кажется, именно тогда наши отношения начали портиться, столкнувшись с тем, что мы, оказывается, тянем в разные стороны и нам никак не договориться.

Правда тогда я так долго жить не смогла. Через восемь месяцев я уволилась. Я выбрала быть "просто женой". Я выбрала Сашку. Я всегда выбирала только его. Всегда.

Нервно почесав бровь, строчу смску абоненту "мой". Пульс взмывает вверх от всплеска адреналина в крови.

Лиза: Ночевать придешь?

Доставлено. Не читает. Внутри растекается пасмурное разочарование. Спит уже давно наверно, а я тут...

Уже было откладываю телефон и чуть не подсакиваю на кровати, когда внезапно зеленеют галочки. Пишет.

Саша: Зачем?

Беззвучно чертыхаюсь про себя. Какой же вредный, а... Ждет, что я прямо в смске буду извиняться? Я не буду.

Лиза: Просто потому что ты мой муж...

Пишу многозначительно, и почти слышу, как он иронично хмыкает в ответ. Строчит что-то. Стирает. Опять пишет.

Саша: Зовешь исполнить супружеские обязанности, Кис?

Щеки мгновенно вспыхивают, стоит прочесть. Вот обязательно все свести к этому?! Бесит.

Лиза: Это единственное, что связывает мужа и жену?

Саша: Тогда смысла не вижу

Внутри взрывается тлеющее до этого раздражение. Козел... Жду еще несколько минут и, убедившись, что больше он ничего написать не удосужится, отшвыриваю от себя телефон.

Лиза

Подрываюсь я от какого-то грохота. Еще не проснувшись, ничего толком не понимая, сажусь на постели и растираю нежелаящие открываться глаза, чтобы взглянуть в густой полумрак, окутывающий спальню. От того, как быстро вскочила, ведет. Первое, на чем фокусируюсь, высокая черная фигура в распахнутом дверном проеме. На мгновение пронзает испугом и сразу отпускает. Кошусь на часы на тумбочке. Пять утра.

– Еще ждешь, Кис? Я пришел... – низкий нетвёрдый голос мужа окончательно прогоняет сон.

Я хмуро слежу за тем, как он, качнувшись, закрывает за собой ударившуюся о стенку дверь. Мне показалось или...

Черт, нет, он в дрова.

Внутри мгновенно закипает. Зачем приперся? Ненавижу его таким, и Сашка это прекрасно знает. Он просто невозможный придурок, когда пьяный. Хорошо хоть, что это очень редко бывает. Плохо, что случилось именно сегодня. Натягиваю на себя одеяло, пока муж вразвалочку подходит к кровати.

– Такого не ждала, – поджимаю губы, выразительно оглядывая хмельное Сашкино лицо в лунном свете.

Его тонкие чувственные губы кривит злая ухмылочка. Глаза пьяно с вызовом блестят. У меня вдоль позвоночника невольно пробегают липкие мурашки. Смотрит как на врага...

– Какого такого? – Сашка насмешливо выгибает бровь и начинает стягивать через голову черную толстовку сразу вместе с футболкой.

– В хлам. Что... Что ты делаешь? – повышаю голос, когда он, оставшись в одних спортивных штанах, и их тянет вниз по ногам.

– Я...? Как это... Собираюсь трахнуть свою жену и... лечь спать в свою кровать, – заторможено сообщает муж о своих планах, занятый избавлением от одежды, – Что же еще?

– Пф-ф-ф! – нервно смеюсь, когда он остается в одних боксерах и носках, – Я не буду с тобой спать, когда ты в таком состоянии, Саш!... А- а-ах... Блин, придавил!

Рухнувшее сверху почти стокилограммовое тело мужа

вышибает из легких воздух. Упираюсь руками ему в волосатую грудь и с трудом спихиваю с себя. Откатывается, пьяно фыркнув. Дышу. Вместо кислорода вокруг один перегар – я будто в бутылке с домашним коньяком дяди Вахтанга утонула!

– Ладно, спать я уйду вниз, давай просто поебемся, – страдальчески вздохнув, предлагает Саня и припечатывает мой живот своей тяжелой ручищей, подтягивая к себе.

– От тебя воняет как от разбитой бутылки с сивухой, – возмущенно сообщаю я, упираясь.

– Тогда раком встань и зажми нос, – Сашку в таком состоянии сложно сбить с намеченного пути.

– Отстань от меня!

– И в горе, и в радости, Ки-и-ис, – тянет муж нараспев, снова наваливаясь сверху и пытаюсь залезть мне в трусы, его горькое дыхание опалает мне щеки, – И в болезни, и в здравии, помнишь?

– Ты точно на здорового не тянешь! Да отвали ты уже, Саш! Нет! Нет!!!

Я группируюсь, насколько это возможно, и с силой отталкиваю его, чуть не зарядив коленом в пах. Резко вскакиваю с кровати, пока Сашка сквозь зубы тянет воздух, схватившись за низ живота, и недобро смотря на меня исподлобья.

– Охренела, Кис? – от улыбки и вальяжного тона не остается и следа. Только глаза все так же бешено пьяно блестят.

– Кто еще из нас охренел! – сбито дышу, пятясь.

– Достала меня за сегодня! – с угрозой, – Просто довела...

– Ты меня тоже!

– Да? – Сашка делает удивленное лицо, поднимаясь на локтях в кровати, а затем кивает на дверь за моей спиной, – Вот и вали тогда!

И в меня летит с силой брошенная подушка.

– Эй! Я вообще – то тут уже спала, а ты приперся посреди ночи. Так что вали сам! – запускаю в него пойманной подушкой в ответ, – Я с вонючим мужиком лежать рядом не собираюсь!

– Иди не вонючего ищи, если не устраиваю. Ты же пару часов назад разводиться собиралась, да? – Сашка ловит подушку у своего лица, подкладывает ее под голову и демонстративно переворачивается на живот, разваливаясь на всю кровать звездой, – Все, тишина! Я сплю.

– Ты меня сейчас серьезно из спальни выгоняешь? – охаю шокировано.

Это тоже что-то новенькое уже.

– Ну, если хочешь, ложись, – приоткрывает Сашка один глаз, косясь на меня, и хлопает рядом с собой по матрасу ладонью, – Супружеский долг и засопим в обнимку как два счастливых ленивца в брачный период.

– Сволочь ты синяя, – констатирую, – Я же сказала. Нет.

– Не хочешь раком, можно минет, – Сашка снова закрывает глаза и отворачивается, устраиваясь поудобней, – А так мне уже надоело на одноместном диване в администрации

ночевать. Вали туда сама. Все! Это моя кровать! Супружеская, блять, ясно?!

– Ну не-е-ет! – я каком-то бешеном порыве подскакиваю к нему, хватаю за ноги и пытаюсь стащить с постели.

Но Сашка просто чертов медведь! Сначала он хрипло и зло посмеивается над моими потугами, а когда у меня выходит его немного сдвинуть, просто отпихивает меня ногой в живот! Шлепаюсь на задницу. Больно! Чувствую, что у меня сейчас пар из ушей пойдет. Особенно потому, что он ржет! На глазах закипают жгучие слезы. Козел.

– Жива, Кис? – лениво интересуется, даже не пытаюсь помочь встать.

– Да пошел ты! – взрываюсь я, подскакивая и потирая ушибленный копчик. В два шага пересекаю комнату и распахиваю гардеробную. Ах так, да? В лихорадке какой-то достаю постельное белье и плед.

– Чтобы...я с тобой... еще раз...Никогда! Вот реально разведусь, понял?! – меня так колотит, что отрывистые слова несвязно сами собой слетают с губ.

– Можно потише там ядом прыскать? Я сплю! – ворчит Сашка с кровати.

– И в поход я с тобой не пойду! Хватит с меня! – припечатываю, захлопывая гардеробную и держа комки белья перед собой, вспомнив, что послезавтра мы должны были отправиться всей семьей с Сашкиной подростковой группы.

– Да не иди! Еще и лучше время проведем без тебя, – хмы-

кает муж, – Алиска и та меньше, чем ты ноет. А ей двенадцать!

– Ну и отлично!

– Отлично!

– Неспкойной тебе ночи, муженек!

– И не надейся, жена!

С грохотом захлопываю за собой дверь спальни и, шмыгнув носом, плетусь на диван в гостиной на первом этаже. Я не знаю, как мы оказались в этой точке. И тем более не знаю, куда из нее идти.

Глава 2 Лиза

– Эй, мам!

Удивленный голос сына с трудом прорывается сквозь пелену беспокойного сна.

– М-м-м? – ворочаюсь, вытягиваясь на неудобном диване.

В левую затекшую ногу тут же устремляется табун кусачих мурашек. Так резко, что хочется взвыть. Тру заслезившиеся от солнечных лучей глаза и медленно принимаю вертикальное положение, садясь. Все тело ломит, боже... Я слишком стара для этого. Меня будто корова прожевала...

– Ты что здесь делаешь? – Левка смотрит на меня с веселой жалостью. С трудом фокусируюсь на нем.

– Сплю, – сообщаю очевидное, с хрустом разминая шею, – А ты чего так рано?

– Ну как рано, уже одиннадцатый час, – хмыкает сын, придирчиво оглядывая меня, – А папа где?

– В спальне, – морщусь, потирая виски.

– Поругались?

– Не сильно, – пожимаю плечами.

Не то, чтобы наши дети были слепые и глухие, но у нас с Сашкой негласное соглашение – держать хорошую мину до последнего.

– Ну да, так не сильно, что ты впервые докатилась до дивана на первом этаже, – Левка закатывает глаза и направля-

ется к холодильнику, – Надеюсь хоть не пинком из спальни выпер?

– Твой папа не такой, – вяло сообщаю на автомате.

– Ага... Мам, что пожрать? – Лева скептически оглядывает внутренности холодильника, и в этот момент он так пугающе похож на своего отца, что меня тянет его послать, как Сашку вчера.

Они в принципе – как из ларца. Одно лицо, одни жесты, одни повадки. Даже Левкина стрижка похожа на ту, что Сашка носил в молодости – у сына выбрита половина головы справа, а слева длинный льняной чуб до самого подбородка, который он постоянно нервно заправляет за ухо. Те же серые глаза, рыжеватые ресницы, тот же рост – он уже почти с Сашку в свои четырнадцать. Те же тонкие губы, которые Левка вечно недовольно поджимает, а, когда улыбается, слегка напрягает верхнюю губу. Те же плечи как у гребца. Вот только сын – еще подросток и совсем худой, отчего создается впечатление, что на эти богатырские плечи повесили чье-то длинное тщедушное тельце с непропорционально большими руками и ногами. Гуттаперчевый мой...

Сейчас Левка хмурит пшеничные прямые брови, как у отца, в ожидании оглашения мной домашнего меню, но его нет. Ничего не изменилось со вчера.

– Все, что найдешь, все твое, – милостиво предлагаю сыну.

– То есть ничего, – констатирует этот вечно голодный под-

росток.

– То есть если будешь жарить яичницу, рассчитывай на меня тоже, – встаю с дивана и сладко тянусь во весь рост.

– Шикарно... Еще и припрягла. Если вы из-за этого ругались, то, знай, мать, я на стороне отца!

– Ты всегда на стороне отца, – отмахиваюсь я, направляясь к лестнице на второй этаж с горой смятого постельного белья, снятого с дивана, – Так, я умываться, и мне поработать надо. Уже почти одиннадцать. Блин, я Кире обещала к двум на склон подойти... Короче, кофе мне сваришь, Лёв, а?

– Эксплуататорша! – рычит сын, сверля меня возмущенным взглядом исподлобья.

– Спасибо! Ты самый лучший у меня! – чмокаю укорачивающегося Левку в гладкую персиковую щеку и оставляю на первом этаже одного.

В нашу спальню пробираюсь тихо-тихо. Сначала приоткрываю предательски скрипнувшую дверь, сквозь щелочку пару секунд лицезрею сладко похрапывающего мужа, и только потом просачиваюсь вся. Солнце заливает нашу светлую комнату жаркими веселыми лучами, нагревая воздух до летних температур, и я по привычке переживаю, что Сашке спать душно. Подхожу к окну, открываю форточку и задерживаю шторы раньше, чем успеваю подумать, что он вообще-то никакой заботы не заслужил. Еще и звук проехавшихся по гардине занавесок заставляет его сонно заворочиться в

кровати. Не двигаюсь, ожидая, когда затихнет и снова крепко уснет. Сердечный ритм рефлекторно разгоняется, пока мой взгляд скользит по голому телу мужа. Он объективно красивый складный мужик, а я – слабая, озабоченная и живая...

Бесит это всё.

Отворачиваюсь и на цыпочках крадусь к гардеробной. Тихонечко раскрываю шкаф. Так, сейчас надо в администрацию, там должны были рекламные материалы привезти, а потом с Кирой встретиться еще на горнолыжке, но спортивное надевать не хочется... Скоро это спортивное уже просто в меня вратет! Но и на каблуках на склон не пойдешь...Блин...

Пальцы нервно перебирают вешалки. Большинство из этих вещей я практически ни разу не носила. Куда? В обычной моей жизни зимой достаточно иметь две футболки, две толстовки и ватные штаны...

С сомнением кошусь на шерстяные бордовые брюки, привезенные в прошлом году из Италии. Хм...Ну, как вариант...

Движение теплого воздуха сзади ощущаю раньше, чем слышу шаги. Спина моментально деревенеет, выпрямляясь. Не оборачиваюсь, кусая щеку, ожидая, когда муж подойдет. Атмосфера вокруг будто плотнеет из-за неизвестной физике аномалии. Разбудила все-таки...

Сашка тихо подкрадывается сзади. Сильные руки обни-

мают мою талию, колючий подбородок тяжело вдавливаются в левое плечо. Прижимает близко- близко к своему обнаженному телу. От него так горячо, что меня на мгновение ведет и хочется слабовольно прикрыть глаза и обмякнуть. Если бы я не знала, что Сашка всегда такой, решила бы, что у него температура. Муж молчит, обнимая меня все крепче, и я тоже молчу. Напрягаюсь, жду и... просто не знаю, что сказать.

Пару секунд мы по давней привычке просто молча покачиваемся так, пока обжигающие губы мужа не прижимаются к моей шее. Организм реагирует сразу. То ли протестом, то ли паникой, то ли похотью, но меня мигом бросает в липкий жар.

– Саш... – впиваюсь ногтями в его руку на моем животе, пытаюсь отцепить. Голос звучит как-то странно, будто поломался.

Не поддается. Наоборот. Перехватывает второй рукой мой подбородок, поворачивает к себе, и мое второе нервное "Саш" тонет в требовательном, грубоватом поцелуе.

У этого поцелуя горько-кислый вкус похмелья и Сашкиной слюны. Какой-то странный дезориентирующий коктейль, отбивающий всю волю сопротивляться.

Это ведь мой муж. Мой.

Я так отчетливо в этот момент чувствую, что люблю его.

Это уже не та восторженная, слепая любовь двадцатилетней девчонки. Она горше, приземлённый, полна накопленных претензий, обид и недосказанности, запылилась... гряз-

ная.

Но от этого почему-то только реальней.

Любить Сашку – так естественно. Так же естественно, как то, что он сейчас делает с моим телом. Не сомневается, не спрашивает, не пытается убедить. У него есть потребность, и я – его. Это естественно тоже. Это читается в каждом его движении, каждом вдохе. Как уверенно он толкает язык мне в рот, сплетая с моим. Как учащенно дышит, забирая мой кислород и сдавливая мое горло своей крупной жесткой ладонью.

Как вторая рука мужа задирает подол ночной сорочки и, нырнув в трусы, сжимает в горсть мой лобок, от чего я инстинктивно приподнимаюсь на цыпочках, пытаюсь сдвинуть покрепче бедра. Не пустить.

Но он уже гладит шероховатым пальцем клитор, пуская болезненные колкие импульсы по моим нервным окончаниям. Какие-то миллисекунды безмолвной борьбы, и я подчиняюсь, обмякаю. Мне это тоже нужно. Для меня это тоже естественно.

Закрываю глаза, откидываясь затылком на Сашкино плечо и ласково всасывая его трахающий мой рот язык. Рассеянно глажу руку, которая гладит меня между ног, распределяя по слизистым выделяющуюся влагу. Прогретый воздух комнаты как молоко, солнечные лучи пробиваются сквозь задернутые шторы и окрашивают мир под закрытыми веками в красный. Наше сбитое дыхание сливается в одно. Ниж-

няя часть тела тягуче тяжелеет, ощущение вдавливающегося в поясницу члена жжет клеймом. Понимаю, что прелюдии больше не будет. Она нам просто не нужна.

Сашка разворачивает меня к себе и легко подсаживает на руки, заставляя обхватить ногами его бедра. Целуемся, пока бредет со мной к постели. Не как подростки, жарко и романтично, а как-то пошло и сосредоточенно, точно зная, что каждое движение языка направлено на получение конечного удовольствия.

Муж роняет меня на кровать. Рывком стягивает трусики по ногам, в то время как я сама избавляюсь от сорочки. Снимает боксеры, являя уже вставший до пупка член. Жадно разглядываем друг друга, избегая смотреть в глаза. Там, в глубине расширенных зрачков, плескаются вчерашние обиды, а это сейчас лишнее.

Сашка падает сверху, широко расталкивая коленом мои ноги. Упирается локтями в матрас над моими плечами, обхватывает мою голову ладонями. Еще один развязный поцелуй в приоткрытые губы, и он входит одним плавным сильным рывком. Меня со стоном выгибает. Глаза закрываются сами собой.

Трахает. Навалившись всем своим немаленьким весом сверху, сгребая под себя, крепко фиксируя мне голову, глубоко размашисто входя и резко выходя наружу. Мне под ним нечем дышать, бесконечно душно, влажно и горячо, не двинуться. Приподнятые разведенные ноги беспомощно бьются

пятками о Сашкины каменные бедра, руки безвольно гладят напряженные плечи мужа, то и дело вцепляясь за перекатывающиеся под кожей мышцы, как за последнюю соломинку. С губ слетают рваные умоляющие всхлипы на каждый толчок.

И может показаться, что мне плохо, но мне охренительно хорошо. И я, кажется, кончу уже через минуту. Ничего личного, просто Сашка давно точно знает, как мне надо. Его беспорный плюс.

Муж перехватывает одну мою ногу под коленом и задирает, отводя в сторону. Меняет угол, меняет глубину и достает до каких-то совсем волшебных моих внутренних точек. Тихие всхлипы перерастают в требовательный стон. Бедра покрываются испариной, слабея, внутри щекотно разрывает, накаляясь. Вцепляясь ему в короткие волосы на затылке, бессвязно пытаюсь командовать.

– Да... Да... Вот так... Да... Блять... Сильнее... А-а-ах...

– Не кончай, – хрипло бормочет муж, – Я дольше хочу.

Пытается изменить позицию, но не пускаю.

– Я дам. Дам... Сейчас дай мне только... О-ох... – мне размазывает просто, тело мелко начинает дрожать от подступающего предоргазменного напряжения.

– Смотри мне...

Сашка снова меня целует, глубоко толкая язык в рот и еще глубже толкая в меня член. Его спина покрывается потом, наши животы слипаются, скользят. Несколько таких

жестких ритмичных толчков, и меня ожидаемо дугой выгибает под ним. До болезненной судороги. Закатываю глаза, рвано дышу. На губах появляется пьяная улыбка. Волнами топит. Сладкий спазм...и отпускает. Еще...Еще...Затухают медленно. Меня никто и торопит.

Сашка садится у меня между ног, не вынимая члена, смотрит. Он всегда любил на это смотреть. Лишь иногда лениво совершает толчок, давая мне подольше поплавать в этом состоянии, гладит пальцами мое тело, ведя узоры по груди, животу, бедрам...

А я уже почти как желе. И член его во мне постепенно начинает мешать – слишком чувствительно. Инстинктивно дергаюсь, пытаюсь слезть.

– Эй, ты обещала, – за бедра подтягивает обратно, – Я тоже хочу, Кис.

– Давай минет, – капризно хмурюсь.

– Нет, ебать хочу тебя, – сводит мои колени вместе и задирает к моему животу, наваливается сверху.

У меня аж дух вышибает. Будто насквозь. Внизу все болезненно онемело, не хочу...

– Саш, – плаксиво, – Не хочу...

– Не филонь, – бурчит, – Потерпи, сейчас...

Трогает клитор, выворачиваюсь, не даю. Толкаю его на спину. Подчиняется, перекачивается, пьяными от похоти глазами следя, как я обнимаю пальцами его торчащий член и направляю в себя, садясь сверху. Так я хотя бы контроли-

ровать смогу...

Начинаю плавно двигаться на нем, уперев руки в мужскую грудь и чувствуя, как под ладонью пытается сломать ребра Сашкино сердце. Муж с хриплым удовлетворенным стоном откидывает голову на подушки, прикрывая глаза. Расслабляется, передавая инициативу. Его ладони рассеянно гладят мои бедра, живот, сминают ягодицы, ловят грудь, играют с сосками и снова возвращаются на бедра, никак особо не направляя.

Неторопливо нащупываю нужный ритм, прислушиваясь к тому, как тело постепенно снова наливается жгучим желанием. Это горячее трение внутри – оно теперь подчинено только мне, и накатывает лениво и мягко, без Сашкиного напора. Но также неумолимо захватывает полностью.

Через несколько сладких минут дыхание снова учащается, глаза становится сложно держать открытыми, слабеющие бедра начинают ныть от напряжения, но я все ускоряюсь, подчиняясь инстинкту, который сильнее физического дискомфорта.

Сашка крепче сжимает мои ягодицы, начиная направлять и резче снимать и надевать на себя. Наклоняюсь к нему, целую. Прижимает меня рукой к себе и вколачивается снизу в бешеном темпе, заставляя дрожать. Стремительно ускоряемся.

Выпрямляюсь, выгибаясь в пояснице, и скачу сама. Ладонь произвольно ложится на горло мужа, сжимает, при-

душивая. Его сильный стон как вибра. Вижу, как Сашкины черные зрачки топят серую радужку. Как жадно раздуваются ноздри, пытаюсь втянуть кислород. Чувствую, как мужские пальцы больно впиваются мне в бедра, резко натягивая на себя. Отпускаю его шею, хватаю за волосы и извиваюсь на нем, подгоняя нас обоих.

Кровать характерно скрипит, перебивая влажные шлепки тел друг о друга и наше громкое дыхание. Сашка фиксирует меня руками сверху и опять, приподнимая бедра, быстро-быстро толкается членом в набухшее, раскаленное лоно. И я очень четко ощущаю момент, когда его член дергается во мне, кончая. Мягко, тягуче прошивает усталым вторым оргазмом в ответ. По Сашкиному телу проходит короткая судорога. Он отпускает меня, закрывая предплечьем лицо и тяжело дыша.

– Блять... – хрипло шепчет.

Еще пару раз плавно двигаюсь на нем и скатываюсь рядом на постель на живот. Я вся мокрая. Он насквозь тоже. Снова в душ пора. Молчим, дышим. Ну а что тут скажешь. Отличный секс... В общем, с этим у нас проблем и не было никогда...

Мы помирились? Нет, я хочу извинений... Ну и, может, сама... Извинюсь...

Точно хочу поговорить.

И ладно, за два оргазма, я, так и быть, начну говорить первая.

– Саш... – поворачиваю к мужу голову и протягиваю руку к его закрытому от меня лицу.

Ласково глажу пальчиками заросшую мужскую щеку. Сашка поворачивается ко мне, приподнимая предплечье с глаз. Косится лениво.

– Знаешь, я хотела... – начинаю, прикусив губу.

– Кисуль, будь другом, алка -зельтцер мне принеси, – хрипло перебивает муж, – Я, кажется, сдохну сейчас. Давай!

И по-свойски звонко шлепает меня по заднице, очевидно пытаюсь задать ускорение. У меня от возмущения на мгновение отвисает челюсть. Но только на мгновение, потому что в следующую секунду я уже подскакиваю с кровати.

– Сам себе принесешь, – тихо рявкаю я, сдергивая первые попавшиеся несколько вешалок со штанги в гардеробной, и топаю в душ, никак не реагируя на Сашкино возмущенное:

– Лиза, ну что опять?! Лиз!

Глава 3 Сашка

Сашка.

– Ну-ка, Сань попробуй еще разок, – Василий хлопает крышкой капота и отходит в сторонку, вытирая тряпкой машинное масло с рук.

Завожу. Слушаем. Вроде не стучит больше. Да неужели, блт?

Переглядываемся с дядь Васей, боясь радоваться раньше времени. Возимся с этим гребаным пазиком второй день. Новогодние праздники. На нормальную ремку не отогнать – все либо занято, либо закрыто, а мне группу завтра везти до ущелья. Еще и с детьми. Еще и с собственными.

– Валерич, ты проедься, – Василий крутит в воздухе пальцем, обозначая предлагаемый маршрут по нашей маленькой ремзоне.

Киваю, трогаюсь. Сначала тихо, потом резвее, переключая скорости и вслушиваясь в работу движка. На третьей опять стучит. Почти так же как с похмелья у меня в голове. Да твою мать, а! Торможу.

– Ни хрена, – констатирую факт, вылезая из дубовой кабины паза и от души хлопая водительской дверью, – Надо к Вазгену гнать.

– Да подожди ты, успеешь к Вазгену, Сань, – Михалыч недобро щурится на строптивного представителя отечествен-

ного автопрома, выбивая из памяти пачки сигарету, – Я ща Костяна позову, может и успеем до завтра, у тебя ж группа завтра, да? А там уж, если не успеем, оттараканим к Вазгену, добро?

– У Кости отгулы до десятого, сам же знаешь, дядь Вась, родственников на новогодние приперлась толпа, – возражаю, устало потирая ладонями лицо.

В нос ударяет крепкий запах сигарет, когда Михалыч раскуривает, и я непроизвольно делаю от него шаг назад, морщась. Отвратная вонь с бодуна. Это ж надо было вчера так нажраться, а...

Половину не помню. Как оказался один в нашей спальне, точно. Судя по Лизкину каменному лицу с утра – феерично оказался. Наговорил ей наверно что-то... Блять.

Впрочем, пошла она. И с лицом своим каменным, и с загонами, и вообще.

А чего она ждала, собственно, после вопроса «хочешь развестись», заданного с, сука, прямо надеждой в глазах?!

Хочу, Кисуль, хочу...

Хочу ремень достать. И наручники. И к батарее. Вот это прямо от души хочу иногда.

Воображение мгновенно рисует волшебную картину, как Лизавета в чем мать родила обессиленно и ласково скулит у радиатора, пережив уже стадию гнева и бодро топя к стадии принятия, а рядом с ней лоток и миска молока. И на моем невольно расплывается злорадная улыбка.

Я, конечно, так не сделаю, но можно ведь помечтать...

– ...ну так восьмое уже на календаре, – тем временем продолжает разговор Михалыч, не замечая, что меня в мыслях понесло куда-то не туда, – Ему эти родственники уже поперек горла, точно тебе говорю! Еще и теща там, и жена, у-у-у! Костян бедный там на сухпайке сидит, как пить дать. Примерного из себя строит... Ты ему коньячку пообещай, Сань, и закусочки. Трубку не успеешь повесить – он уже из капота пазика жопой торчать будет.

Михалыч посмеивается, выпуская щербатым ртом идеальное колечко дыма в сторону от меня.

– Да? – чешу затылок, прикидывая.

Костя вообще может починить, это мы – дилетанты-любители, только что опять чумазые все. А у него руки от бога.

– Ну давай звонить.

– Ща наберу, – подмигивает дядь Вася, выуживая из кармана побитый телефон, – Ты давай пока, Валерич, метнись за магаром. И закусочки... Крылышки из вашей жральни ой как люблю... Покуришь?

Протягивает мне пачку сигарет, пока набирает номер.

– Не, – отшатываюсь я, – Вчера перебрал, от одного запаха тошнит.

– Так надо это... опохмелиться, – сообщает дядя Вася с видом знатока.

– Издеваешься, дядь Вась? – я чуть не давлюсь от такой перспективы, смеясь, – Не, я не умею. Только еще хуже по-

том. Еще группа завтра с утра. Так расхожусь.

– И жена убьет, да? – хитро подмигивает Михалыч, прижимая трубку к уху, – Поругались вчера небось? Тебя ночью Колька мой видел, как ты под утро неприкаянный по территории бродил.

– Да так, – отвожу глаза. Улыбка сползает с лица. Внутри как-то противно сосет, что это вот все на виду, – Нормально все, дядь Вась. Помирились уже.

Хотя я в этом, мягко говоря, не уверен. Но что еще остается сказать, да? Да и с Лизкой хрен поймешь, когда ты у нее еще виноват, а когда – уже нет. Остается только надеяться, что к вечеру, когда Кира со своим мужем свалит, ее отпустит.

– Да конечно, нормально, Сань. Что вам молодым делать-то еще. Ругаться да мириться. И мириться – оно лучше лежа. Это старые станете, и это лень будет, по себе знаю. А пока кровь кипит, оно самое то, – оно ободряюще хлопает меня по плечу, и мне дико хочется свалить в этот момент.

Слишком уж взгляд у дяди Васи... понимающий.

– Так что, Сань, в голову не бери, – просто добивает Михалыч сочувствием меня, – Нормально у вас всё, понял? Але, Костян? Здоров... Слушай, у нас тут с Валеричем дело к тебе есть... Да... Помощь твоя нужна... Магарыч конечно! Магарыч будет!

И толкает меня в плечо, отодвигая от лица трубку.

– Давай, Санек, сообрази нам че-нибудь, придет. Починит.

– Ок, сейчас в ресторан схожу, – киваю я, вытирая грязные ладони прямо о рабочие штаны. Им все равно уже ничего не страшно. Я вообще весь сейчас как черт.

– Александр Валерьевич, здравствуйте, – бармен Пашка машет мне из-за стойки, как только переступаю порог кафе.

– Привет, – подхожу и протягиваю ему руку, но пацан насмешливо косится на мою черную от машинного масла ладонь.

– Без обид, шеф, не гигиенично как-то, – ржет, – Я ж с едой – напитками работаю, все дела...

Хмыкаю и руку убираю, садясь на самый дальний барный стул в углу.

– Значит с кухни меня вообще поганой метлой попрут, – тру бровь, улыбаясь, – Паш, сгоняй тогда к поварам, мне три комплексных надо с собой без первого и закуску какую-нибудь к коньяку, и скажи, чтобы крылышек обязательно положили.

– Это, шеф, без проблем, – кивает Пашка, отставляя в сторону протертый стакан, – А вам зеркало дать пока?

– Зачем?

– Да у вас на щеке, – тыкает пальцем в себе чуть повыше подбородка, показывая где грязно.

– А, нет, не надо. Я сейчас в туалете умоюсь. Давай, беги пока на кухню.

Плеснув в лицо холодной водой, придирчиво разглядываю себя в зеркало на предмет наличия грязи. Вроде все, условно чистый. Условно, потому что старую толстовку мою и штаны просто так водой не отстираешь. Их уже вообще мало чем отстираешь, на то они и рабочие.

Наспех вытираюсь бумажным полотенцем и, засунув руки в карманы, возвращаюсь в зал. В голове тяжелый туман стоит с самого утра, и такое странное гнетущее чувство давит на грудь, что дышать сложно. Неясное, но тревожное. Очень.

Верил бы в приметы и мистику всякую, решил бы, что что-то будет. Нехорошее такое для меня. Но я не верю. Это похмелье всё и ссора очередная с Лизой, которую я даже толком не помню ни хрена.

Впрочем, что мы нового могли друг другу сказать? Ничего...

Не считая вопроса про развод, конечно.

Вспоминаю об этом снова, и прямо насквозь прошивает злой обидой как ножом. Договорились, блять. Не думал я, что до этого дойдет. Никогда. Кто бы сказал мне десять лет назад – в лицо бы рассмеялся. Я и сейчас... Даже размышлять в ту сторону не готов.

А она? А она, получается, готова, да?

И как давно, очень интересно мне знать?!

День, неделю, годы...???

Хотя нет, не интересно, даже слышать не хочу ничего. Пе-

рехочет...

Блять, ну неужели все так плохо, а?

Нормально же живем... Ну что ей все стало не так?!

Спрашиваешь в лоб – ничего толком сказать не может. Мямлит что-то, про то, что я не хочу ее понять. А как тут понять, когда кроме этого ничего не слышишь. Объяснила бы по-человечески, по пунктам, чего хочет вообще от меня.

Не-е-ет! Томно вздыхать в ночи – это конечно эффективней.

Да и фиг с ним, пусть вздыхает, я бы не обращал внимание, но...

Жена иногда смотрит на меня так, будто ее бесит сам факт моего существования. И в эти моменты такая ярость накрывает в ответ, что хочется ее придушить. Так хочется, что страшно. Потому что я не знаю, как еще убрать эту жуткую эмоцию в ее глазах. А видеть ее – невыносимо.

Это ведь Лизка моя... И я слишком хорошо помню, как ее зелёные глазищи как у кошки светятся любовью. Светились. Раньше всегда. А теперь... Если хоть раз за день блеснут – уже счастье.

Как она вообще может так? О чем она в этот момент думает, когда так смотрит на меня?

Вот об этом? О разводе?

Охренеть...

От этих мыслей даже больно дышать, и я все кручу и кручу в голове нашу жизнь, пытаюсь понять, когда? Когда это

начало происходить с нами? Совсем из колеи вчерашнее вы-
было.

– О, Саш, привет! Ты бы подошел хоть – поздороваться, а?! – мелодичный женский голос вырывает меня из плена своих загонов.

Поворачиваю голову на звук, и рефлекторная привет-
ственная улыбка застывает на лице подобно посмертной мас-
ке. Потому что вижу, кто это окликнул меня.

Бл...Надо было глухим притвориться. Но уже поздно.

Иду к столу у окна, за которым восседает вся честная
компания: расфуфыренная как павлин в брачный период по-
друга моей жены Кира, Иосиф Лазаревич, ее лысоватый ев-
рейский муж – банкир, какой-то незнакомый мне длинный
хмырь в идеально сидящем строгом костюме, и стильном
галстук, завязанном так туго, что мужик рискует разрезать
себе кадык. И кто только припирается в костюме на горно-
лыжку?!

А рядом с любящим потуже хмырем близко-близко...моя
Лиза.

И взгляд ее стеклянный выразительно ползет по моим
грязным, потрепанным штанам, выцветшей, выдавшей виды
толстовке и застывает на влажном от воды лице.

– Александр, я уж думал и не встречу тебя в этот раз, –
Кирилл муж привстает с кресла и протягивает мне свою хо-
леную ладонь.

– Да замотался, дела, – крепко пожимаю его руку.

Он вообще ничего мужик, хороший. Когда рядом Киры нет, даже шутит – плюс. Минус – начинает много пить. И спрашивать девочек. Лет пять назад водил его только мужиками в баню, так он уже через полчаса "рюмка водки на столе" орал в караоке, а через час привел каких-то хмельных туристок из Ярославля. И где только их нашел...

Подозреваю, именно поэтому Кира всегда рядом с мужем, а у него всегда кислая мина рядом с женой. Плотно его сторожит. Кстати после того случая мы вместе с Осей, или Иосифом Лазеревичем Пельцем, в баню больше не ходили.

Перевожу взгляд на саму Киру. Та мило улыбается мне, а в глубине лучистых глаз вспыхивает легкое пренебрежение и настороженность, когда немного подаюсь навстречу.

Бойтся, что обнимать полезу? Я могу...

Демонстративно раскрываю объятия гражданке Пельц, от чего она предсказуемо шарахается от меня, вжимаясь в кресло и закрывая руками свой белоснежный свитшот.

– Ты чего такой грязный, Саш? Как из шахты, – бормочет.

– Значит, обниматься не будем? Мы же друзья, – возмущаюсь, испытывая нездоровый азарт.

Нервно хохотнув, Кира качает головой.

– Мысленно тысячу раз тебя обняла, – идет на мировую и поворачивается к незнакомому мне хмырю.

– Саш, познакомься, это Ариэль, компаньон Иосифа. Ариэль, Александр – владелец этого отеля и муж Лизы.

У мужика с русалочьим именем на это вытягивается его

еврейско-аристократическое лицо. Надменный взгляд выразительно ползет по моей рабочей одежде и застывает на черном пятне на толстовке у самого ворота. Протягиваю ему руку, просто потому что так положено. Вяло пожимает, будто сил у него осталось на последний вздох.

– Приятно познакомиться. Вы очень... аутентичны, Александр. Олицетворение этого места, – выдает то ли оскорбление, то ли комплимент, сверля меня своими холодными глазами. Поворачивается к Лизе и становится понятно, что про аутентичность точно было оскорблением.

– Ваш муж, Елизавета? Очень неожиданно. Вы будто из разных миров, – сладко улыбается хмырь *моей* жене. Его взгляд едва заметно масляно сверкает, проходясь по ее белой гибкой шее, – Вы, Лиза, такая утонченная...

Лизка на это вспыхивает и упрямо поджимает губы, а у меня непроизвольно сжимаются кулаки. Он не охренел ли клеить ее прямо при мне?

– Любовь зла, – выдает жена, дежурно улыбнувшись на комплимент, и встает со своего кресла.

Подходит ко мне. Тонкая кисть ложится на мою талию, зеленые глаза сверлят снизу-вверх. Наклоняюсь к ней, и Лиза коротко целует меня в губы при всех. Немного отпускает. Чувствую, как рефлекторно разжимается кулак. Да, Кис, защита меня... У Лизки всегда это трогательно выходит... Кошусь на Ариэля, тот чуть ли не русалочьим хвостом под столом бьет от неприятия ситуации. Скривился.

– Кстати, нам до сих пор не принесли закуски, – ворчит хмырь, смотря на меня в упор и складывая пальцы домиком на действительно пустом столе.

– Сейчас я их потороплю, – вежливо улыбается на это Лиза, – Я все-таки хозяйка.

И шепчет мне одни губами.

– Пойдем – поговорим.

Покорно плетусь за ней на кухню, засунув руки в карманы брюк. Взгляд лениво сползает на Кискину задницу, обтянутую утеплёнными леггинсами. По мне так слишком пошло обтянутую, потому что мысли в голову при виде, как поршнями ходят ее ягодицы, лезут с маркером 18+. И видимо не только у меня одного, судя по надувшейся еврейской русалке за столом. Облизываю губы, ловя остаточный вкус Лизиного поцелуя, картинки утреннего секса мелькают в голове. Надо было ее еще в коленно-локтевую...

– Саш, ты бы реально в таком виде не расхаживал по комплексу, – рычит тихо Лизка, стоит нам зайти на кухню и захлопнуть за собой дверь, – Как бомж!

Моргаю, стараясь побыстрее прогнать интимные образы из головы. Мне тут походу опять мозг собираются трахнуть, а не другое место, а я как-то не готов.

– Что, мужа застеснялась, а, Кис? – выгибаю бровь и за локоть отгаскиваю ее ближе к подсобке, потому что уже вся кухня пялится на нас.

– Ребят, побыстрее можно! Там за столиком ждут! – по-

казываю пальцем поваряткам, чтобы развернулись к рабочим местам и приступали к своим обязанностям, а не грели уши.

– Не говори ерунды -застеснялась, – закатывает Лиза глаза, – просто дисциплину подрываешь. Если тебе можно в таком виде шастать, то почему другим нельзя.

– Потому что я плачу другим зарплату, а не наоборот, Кис. Это все? Или еще есть что сказать?

– Есть, – кусает нижнюю губу.

Напряженно смотрит в упор на меня, скрестив руки на груди. Видно, что с духом собирается, и я начинаю нервничать в ответ. Ну что еще? Я, честно сказать, надеялся, что ее уже немного отпустило, и мы просто закроем вопрос со вчерашним дурацким вечером. Тем более утром было вполне хорошо... Отлично просто... Мой взгляд инстинктивно прикипает к Кискиным губам. Они у нее розовые и нежные... Очень выразительные.

Мне повезло. Моя жена конечно внешне изменилась за пятнадцать лет. Она уже не сражает своей цветущей юностью наповал. Зато в ней появился какой-то шик. И стервозность. И прет от этого почему-то еще больше. Мои вкусы с возрастом, видимо, тоже слегка поменялись...

– Кира улетает через два часа в Сочи, они там проведут остаток праздников, и... – аккуратно начинает жена.

– И слава богу, – вставляю я.

Мне достается укоризненный взгляд.

– И, раз уж в завтрашний поход я не иду, то я решила

поехать с ней. Как раз тоже на два дня, – выпаливает таким тоном, будто зачитала приговор, который обжалованию не подлежит, а в конце еще и упрямо задирает свой маленький круглый подбородок.

Хмурюсь, осознавая. Мозг с трудом ворочает извилинами с бодуна.

Так...Стоп!

– Я не понял, ты собралась куда-то лететь с этим мужиком?! – наконец до меня доходит.

– С каким мужиком? Я лечу с подругой и ее мужем! – невинно хлопает глазами жена.

– И этим мужиком, да?! – рявкаю я, – Даже слышать не хочу!

– Саш, не сходи с ума, – раздраженно трет лицо, – Он просто деловой партнер Оси и мне на него плевать.

– Лиза! Он просто хочет тебя трахнуть, и мне вот на это не плевать совсем!

– Не выдумывай! – психует она.

– А ты дуру не строй из себя! – неконтролируемо повышаю голос, отчего на нас опять оборачивается вся кухня.

Замечаем, синхронно делаем еще шаг к подсобке подальше ото всех. Сверлим друг друга враждебными взглядами. Опять.

Лиза-а-а...Придушить и к батарее...Как же хочется, а!

Кисуля моя идет гневными пятнами. Похоже, представляет тоже что-то такое про меня. Зеленые глаза чуть ли нена-

вистью блестят.

– Я просто хочу отдохнуть от тебя, – шипит как самая настоящая кошка.

Даже если на эмоциях, это все равно по живому. Устала она. От меня.

– Не с ним, – цежу.

– Я еду с Кирой. Я уже решила, – отводит взгляд, отступает на шаг, – Пожалуйста, не порть мне настроение этой ревностью беспочвенной своей. Я, по-моему, поводов не давала никогда. Это в конце концов унизительно!

Снова поднимает на меня свои зеленые глаза. И в них вдруг дрожат слезы.

Ну пиздец. Что вот делать, а?

Меня просто разрывает от моментального ощущения беспомощности. Как поступить, что сказать?

Лиза пользуется моментом. Пытается улизнуть, так окончив разговор. Не даю, перехватываю за руку. Раз уж мы тут по больному проходимся...

– Что я тебе ночью наговорил? – хрипло интересуюсь, когда оборачивается.

– А ты не помнишь?

– Нет.

– Алкаш, – фыркает, шмыгнув носом.

– Вот не надо. Как давно ты думаешь о разводе, а?

– Что? – Лизка очень натурально хлопает зелеными глазами. Но она и специально так умеет прекрасно.

– Что слышала. Как давно? – напираяю я.

Мне жизненно необходимо это знать. Непроизвольно сильнее сжимаю пальцы вокруг ее тонкого запястья. И кажется делаю больно. У Лизы расширяются глаза, нервно дергает рукой, пытаюсь от меня избавиться.

– Достаточно. Пусти! – рычит сквозь зубы.

Отпускаю. Оглушила меня своим "достаточно" наповал. Вырывается, потирает запястье, исподлобья смотря на меня.

– Я пошла собираться, у меня вылет через полтора часа. По поводу детей я уже договорилась с твоей мамой, что она сегодня вечером к нам зайдет, всех уложит, так что не переживай.

Глава 4 Сашка

Сашка.

– Подъем. Пять минут на сборы! – я стягиваю одеяло со стонущего какие-то невнятные протесты Лёвки и отправляюсь в комнату его младшей сестры.

Здесь замедляюсь на пороге, потому что будить лохматого подростка с ломающимся в самые неподходящие моменты голосом и рыженькую зефирную принцессу – не одно и тоже для меня.

Алиска так сладко сопит, обвив метровую подушку – ко-та, что мне слабовольно хочется дать ей еще пару минут по-нежиться в кровати. Темные пушистые ресницы дрожат на нежных, еще по-детски пухленьких щеках и почти задевают россыпь едва заметных веснушек. Носик кнопкой забавно морщится во сне.

Дочка – вылитая юная Лиза. И сейчас, когда ее мать шляется не пойми где вместе с банкиром- русалкой, смотреть на нее мне сладко и больно одновременно. Очень странное щемящее чувство в груди. Ну хотя бы эта девочка навсегда моя, мелькает в голове вперемешку с отрывками вчерашнего дурацкого дня и вечера.

Вечером жена вроде бы хотела пойти на мировую. Звонила, но я действительно был занят, проводя инструктаж по предстоящему походу. Потом написала пару смсок- подли-

зок. Ласковых и выводящих на разговор. Но настроение у меня было только опять поругаться, а вроде бы куда уж еще, и я их проигнорировал.

А с утра теперь мучает мысль, что наверно зря...

Как бы там еврейский русал ее не утешил. Нет, я доверяю жене на самом деле, но она – обиженная красивая женщина. И мне сложно представить лучше почву для посторонних ухаживаний.

– Лиса Алиса, вставай, – подойдя, легонько треплю дочку по плечу.

Присаживаюсь на край кровати, любуюсь ее юным заспанным личиком. Как кукла она.

– М-м-м... па-а-ап! – сладко зевает дочь и пытается скрыться от меня под одеялом.

– Давай-давай, солнце уже высоко, – не позволяю улизнуть, сгребая ее в охапку прямо вместе с подушкой-котом и одеялом. Щекочу.

Брыкается, хихикает, визжит.

– Па-а-ап! Всё, встала, всё! Отстань!!!

И заряжает мне острой пяткой по печени. Охнув, отпускаю. Что-то принцессы нынче не ты пошли. Алиса тем временем выбирается наружу из-под одеяла и сдувает с лица волнистую рыжую прядь. Озирается, с трудом продирая сонные зеленые глазенки.

– Врешь ты! Какое солнце! Темень еще! – возмущенно фырчит и пытается лечь опять.

– Шесть утра, для юных работающих негров самое то. Так что марш зубы чистить и вниз завтракать.

– Каких еще негров? – кривится Алиска.

– Которые "работать, солнце уже высоко", – терпеливо объясняю, поднимаясь с ее постели. Молодежь...

– Там "еще высоко" вроде было, – демонстрируя, что что-то знает, придирается юная заклепочница. Вся в мать.

– Будешь умничать – оставлю с бабушкой, – использую свой главный козырь.

Волком смотрит, но тут же спускает тощие ножки – палочки с кровати на пол.

– Только можно без каши, – пытается хоть на чем-то настоять.

Лизина манера. Опять. И веселит, и бесит. Мелькает мысль «бедный ее муж», которая быстро трансформируется в привычное «какой муж, я его убью».

– Без каши нельзя, – отрезаю вслух.

– Ну па-а-ап!

– С бабушкой!

– Ой, всё! Вот всегда ты так... – сдается и топает в ванную.

Накормив сонных бандитов пакетированной овсянкой, потому что каши – не мой конек, проверяю наши рюкзаки, которые собрал еще вчера, докладываю перекус на самый верх, и мы выдвигаемся из дома под возмущенный скулеж Гора – нашей овчарки. Отметаю подальше мысль, что для

полного комплекта не хватает Лизки, но она почему-то не отмечается никак... Кошусь на Левку, уткнувшегося в телефон.

– Ты его когда-нибудь из рук выпустишь??? – рычу, слабовольно скидывая раздражение на ни в чем не повинного отрока.

– Да мама пишет, – отмахивается сын, – Спрашивает встали – нет.

– А ты? – еще и ревнивый укол ощущаю, что пишет его мать не мне. Правда, Лиза мне вчера писала, и я ее вежливо послал.

Видимо, теперь моя очередь мосты налаживать, да, Лиз?

– Написал, что уже идем. И что каша твоя ужасная, – Левка прячет в карман куртки телефон, – Вы че, не помирились до сих пор?

– Мы не ссорились.

Сын на это закатывает глаза.

– Вы поссорились? – испуганно пищит рядом Алиска. Она всегда так неадекватно реагирует на это.

Теперь уже закатываю глаза я и пихаю Левку в бок. Мол, не пали нам контору.

– Да я просто так сказал. Что ты на стреме сразу, систер?! – сын пытается исправить ситуацию, но Алиса все равно опускает голову и надувает щеки.

– Это она поэтому не поехала, да?

– Она не поехала, потому что очень хотела с тетей Кирой

поехать. Развеяться. Никто не ссорился. Все, перестань, – обнимаю дочку за хлипкие плечики и подталкиваю вперед.

В холле административного корпуса нас уже ждет толпа. Идем мы достаточно большой группой в двадцать три человека. Все – таки конец новогодних праздников, и от желающих отбоя нет. Маршрут легкий, фактически прогулочный, рассчитанный на то, что любой ребенок старше семи лет его даже зимой преодолет без труда. Зато очень живописный. По заповеднику, вдоль устья горной незамерзающей полностью реки, мимо порогов и водопадов к ледниковому голубому озеру. На его берегу мы проведем вторую ночь и спустимся по более короткой тропе обратно за день. В собранной группе много детей, поэтому идем сразу тремя инструкторами. Со мной еще Теймураз, муж дочки моего отчима Нины, и Надя Тишакова, самая опытная из всех девчонок - инструкторов на курорте.

Теймураз, как и я, решил совместить приятное с полезным и взял с собой семью – жену Нино и дочку – тринадцатилетнюю Гулико, которая по совместительству является лучшей подружкой Алисы и первой неуклюжей любовью нашего Лёвки.

На то, как сын при Гуле заикается и тупеет до состояния циркового шимпанзе, мне периодически больно смотреть.

Хотя в чем-то я ему даже завидую. У меня при виде его матери тоже раньше предательски краснели уши и невыно-

симо жарко становилось в груди. Я еще помню те острые, непередаваемые ощущения. Это счастье – их испытать.

Еще бы эта Гулико отвечала ему взаимностью... Но по скромной строгой Гуле сложно понять, терпит она тебя или обожает. Вопрос – что он в ней нашел, остается для меня открытым. Мне лично всегда было сложно испытывать долгий интерес к девушкам без ответного отклика. Не знаю, в какой-то момент просто отрубало и все. Значит, не мое. А Левка уже второй год за ней тенью бродит.

Провожу последний быстрый инструктаж, и группа оперативно загружается во все-таки починенный вчера Костей паз. За рулем Михалыч. До альпинисткой базы, откуда начнем, нам трястись минут тридцать. Алиска садится с Гулико, сзади них Левка как привязанный. Зову его к себе вперед – даже не слышит. Хватает за локоть Артура, приятеля своего, и силком садит рядом. Тот тут же дергает Алиску за рыжий хвост. Дочка возмущенно верещит. Шикаю на них. Затихают, тупя в пол.

– А Лиза разве не едет? – Нина, дочка моего отчима, удивленно выгибает брови, когда проходит мимо меня по узкому ряду между дубовыми сидениями.

– Она с подругой в Сочи вчера улетела, – отвечаю ровно, пытаясь скрыть, как меня это бесит – всем отчитываться и что-то объяснять. Демонстративно утыкаюсь в телефон – вроде как разговор окончен.

Черные глаза Нины цепко проезжаются по моему лицу.

Даже не поднимая взгляда, остро чувствую.

– М, ясно. А дети на тебе, да? А она с подругой? Интересная у вас семья...

Резко вскидываю на нее предупреждающий взгляд. Выдерживает. Надменно смотрит. Когда-то она девчонкой, чуть старше ее дочки Гулико, мечтала, чтобы ее семьей был я. Но я Лизу привез из Москвы. И вроде бы давно забылось все. И муж у нее хороший, и дочь. А в такие моменты все равно кажется, что нет. Не дает ей покоя моя жизнь. Конечно, от влюбленности там не осталось и следа. Больше тянет на вредную привычку.

– Нино, ты что там застряла? Другим мешаешь. А ну давай проходи, – окликает ее Теймураз, устроившийся в самом конце.

Нина вскидывает голову, будто только опомнилась. Проходит вглубь автобуса, так больше ничего мне и не сказав. Снова утыкаюсь в телефон, непроизвольно выдохнув. Напрягает она меня. Открываю мессенджер. Перечитываю Лизкины вчерашние смски. Надо было ответить, да? Вот я...

Что она там делает вообще без меня? В Сочи этом... Раздумываю, чтобы написать сейчас. В голову ничего толкового, кроме требований отчитаться, не лезет.

– Сань, можно к тебе сяду? Не прогонишь? – не дождав-шись согласия, на сидение рядом плюхается Надька.

– Конечно, Надюх, что за глупости, – чутьдвигаюсь в сторону и не так широко, как до этого, расставляю ноги.

Дежурно улыбаемся друг другу. В голове пронесется шальная мысль спросить, чтобы сейчас написать жене – Надя все-таки женщина... И товарищ. Редкое сочетание. Но я все же отвергаю эту идею как абсолютно идиотскую. Это же придется предысторию выдавать, а я как-то не готов.

Еще пару минут все рассаживаются, суетятся, а потом пазик, шумно поурчав, наконец трогается со стоянки под громкие крики "ура".

С погодой нам несказанно повезло. Солнце в безоблачном синем небе прогревало воздух до комфортных плюсовых температур, белоснежный подтаявший снег не проваливался под ногами, и горы вокруг будто звенели первозданной чистотой. Разгоряченное от ходьбы с нагрузкой тело приятно гудело, легкие до отказа заполнялись кислородом, и даже мысли будто очищались в голове, то и дело перескакивая обрывками на что-то важное, вечное.

Я сотни раз видел эти пейзажи, узнавал уже каждую веточку и каждый камень, но какой-то совершенно детский восторг все не проходил. Мощь природы невероятна, она завораживает и по-настоящему ее можно почувствовать только здесь, в горах. Все остальное – такая суета. Нет ничего ценнее этого чистого вздоха, ощущения себя на своем месте, тишины внутри. Только горы, природа давали мне эту тишину.

И так хотелось передать это состояние своим детям. Что-

бы они тоже почувствовали, поняли. Отыскивали этот путь в себе. Алиска еще мелкая совсем. Даже не столько по возрасту, сколько по восприятию. Дитя. А вот Лёвка... Сын шел сейчас рядом со мной во главе колонны, и на его юношеском сосредоточенном лице я видел отголоски своих мыслей. И это такая радость – чувство общности со своим уже почти взрослым ребенком, которую словами сложно передать.

– Пап, смотри... Там бараны что ли? – Левка тычет пальцем в зеленую горную вершину через ущелье от нас. Его глаза расширяются, – Смотри, смотри! Поскакал!!!

Вглядываюсь, точно!

– Это козлы, туры, семья, видишь?

– Да! – от эмоций сын начинает подпрыгивать почти также, как они. И в этот момент кажется таким ребенком, что я невольно улыбаюсь шире. Смешной...

– Гуля, Алиска! Смотрите! Эй, Артур!

Левку как ветром сдувает от меня – бежит к девочкам показать свою находку. Останавливаю всю колонну. Теймураз, идущий в самом конце, достает бинокль. Дети визжат от восторга – небольшое стадо горных туров будто специально подходит ближе. Разглядеть очень легко. Два козла даже тяжелыми рогами сцепились и лениво бодаются – настоящее шоу.

– Ну что? Может тогда тут привал небольшой устроим? – подходит ко мне Надя. Задирает голову, чтобы смотреть мне в глаза и щурится от яркого обеденного солнца, – Вон по-

лянка неплохая. Раз уж остановились...

– Рановато, – хмурюсь, – Потом устанут без остановок идти.

– Дойдем, – улыбается Надя, уже снимая с плеч объемный рюкзак, – Если что, еще после смотровой площадки на водопадах передохнем, да?

– Ладно, давай так.

К месту ночной стоянки основная часть группы еле приползает, потому что мы осуществили незапланированный спуск со смотровой площадки на плато пониже, почти к самому водопаду горной речки, раскалывающей ущелье надвое. Желание получить красивые фотографии у нынешнего подрастающего поколения часто перекрывает здравый смысл. Хорошо еще, что связь там не ловила, иначе ради какого-нибудь тик-тока парочка особенно вдохновленных бы точно нырнула.

– Так, Лёв, давай, натягивай, – команду сыном, помогающим мне поставить нашу маленькую палатку, – Дальше сам справишься? Я пошел организовывать остальных.

– Справлюсь, если Алиску ко мне пришлешь, – хмурится Левка недовольно.

– Нет, сам. Это мужское дело, Алиска пойдет за хвостом.

На самом деле никакая помощь Лёвке не нужна – он регулярно ходит со мной в походы разной степени тяжести лет

с шести и такую простую палатку может собрать и с закрытыми глазами. Но сам факт, что сестра, по его мнению, прохлаждается, сына как обычно бесит. Чтобы сильно не дулся, тут же подзываю Алиску с Гулико и отправляю подружек на поиски веток посуше.

– Да, мам, привет, – Лева зажимает телефон плечом, вбивая колышек, – Да, все хорошо, вот ставимся... Да только пришли на стоянку... Нет... К водопаду спускались... Да, и Алиса... Ма-ам... Это ты с папой решишь, почему он ей разрешил... Да все отлично у нас...

Я в это время напрягаюсь, подслушивая. Выуживаю из кармана свой смарт. Ни одного пропущенного, ни одной смс... Сразу сыну позвонила, как и с утра. Я устал за день, эмоционально вымотан от необходимости быть душой компании и одновременно путеводной звездой, и потому раздражение разом накатывает душевной волной, от которой на миг закладывает уши.

Саша: Если хочешь что-то узнать – можешь спросить напрямую у меня, а не втягивать Леву

Доставлено.

– Ну ладно, все, мам, пока, – сын кладет трубку.

Кошусь на экран. Прочитала. Пишет что-то. Отхожу в сторону, махнув Левке рукой.

Лиза: Ты мне вчера ясно дал понять, что не хочешь разговаривать

Сжимаю телефон так, что, кажется, сейчас согну. Вдыхаю

и выдыхаю, пока иду к деревянным столам под навесом, где ребята уже выкладывают продукты для предстоящего ужина. Машу Теймуразу, набирающему дрова в большом, почерневшем от времени дровянике.

– Саш, гречку с тушенкой же? – окликает меня Надя.

Киваю, усаживаясь на одну из лавок, снова держу перед собой телефон, положив локти на грубо сколоченный узкий длинный стол.

Саша: Это не так

Лиза: Что не так

Саша: Я очень хочу с тобой разговаривать

В ответ тишина. Стирает – пишет-стирает. И в итоге ничего. Жду с минуту. Раздраженно тру переносицу. Решаю, что не развалюсь, если сделаю навстречу еще пару шагов.

Саша: Мы сейчас будем ужинать, потом поставим походную баню, а потом я очень бы хотел услышать тебя. Я позвоню

Прочитано. Не печатает. Мысленно отсчитываю секунды, почти видя, как Лиза по привычке кусает розовую нижнюю губу и трет тонким пальчиком экран, ведя по строчкам. На счет пятнадцать начинает наконец писать.

Лиза: Я может быть буду занята. Мы собираемся в спа

Меня подрывает раньше, чем успеваю прочитать. Шумно выдыхая, строчу ответ.

Саша: Ночью?!

Лиза: вечером, у нас в отеле

Нервно отстукиваю пальцами по деревянной столешнице. Если напишу, что думаю, мы стопроцентно поругаемся опять. А думаю я, что в такое время суток СПА – это не СПА, а сауна с бабами. И одна из этих баб внезапно моя жена! Лиза в это время что-то строчит.

Лиза: Не накручивай так громко – я в Сочи слышу :-D

Смотрю на этот ржущий смайл в конце и немного отпускает. Невольно улыбаюсь в ответ. Собственная предсказуемость вызывает внутри чувство общности с женой, а не раздражение. Я ведь тоже в таких мелочах отлично читаю ее. Это нам только в чем-то большем бывает сложно...

Саша: Ничего не знаю. Чтобы трубку взяла

В ответ мне приходит смиренный смайл, и я, хмыкнув, прячу телефон в карман, ощущая мощный прилив адреналина только от одной этой дурацкой переписки с собственной женой, будто я подросток, выяснявший отношения с понравившейся девушкой.

– Сань, сможешь там Илье с Катей палатку поставить? – окликает меня Теймураз, и я, кивнув, иду спасать незадачливых туристов.

Ужин пролетает быстро, весело, сытно и даже пьяно для тех, кому уже есть восемнадцать. Рассевшись кругом у костра, на котором варятся два больших котелка с алкогольным и безалкогольным глинтвейном горланим песни под ги-

тару, играем в испорченный телефон и под конец даже рассказываем страшные истории специально для наших пугливых девчонок. Баню мы с Теймуразом поставили еще пока доходила каша, и уже через час жар там стоял что надо. Начали по очереди заходить. Из бани бегом прямо в сугроб. Визги на всю стоянку. А потом опять глинтвейн и греться у костра. И огромные, такие близкие, яркие звезды над головой. И твои дети заливисто смеются, подсвеченные танцующим пламенем костра.

В такие моменты на секунды кажется, что ты счастье за хвост поймал. Вот оно – простое, пушистое, теплое прямо у тебя в руках. А потом вспоминаешь, что одного пазлика не хватает, и все немного меркнет.

Постоянно кошусь на часы, отслеживая, как бежит время. Ближе к одиннадцати даю отбой. Детей принудительно распахиваем по палаткам. Лёвка слезно умоляет разрешить им спать своей компанией: он, Артур, Алиска, Гулико. Вздыхая, сдаюсь. Получается, я ночую один. Оно и к лучшему, поболтаю с Лизкой спокойно без их вездесущих ушей. И может помиримся с ней наконец.

Взрослые расходятся хуже – все сидят у костра, потягивая глинтвейн, смеются травят разные байки. Предупреждаю, что завтра ранний подъем, но Надя лишь отмахивается от меня за всех разом и выдает " Не нуди, Сань!". И я, пожав плечами, ухожу к себе в палатку. Зажигаю фонарь, достаю телефон. Внутри как-то даже звенит от нетерпения, но я спи-

сываю все на обжигающий и достаточно крепкий глинтвейн. Развалившись на спальном мешке поудобней, набираю Лизу. Гудки. Не берет. Едкое разочарование остужает все внутри. Пишу:

Саша: Кис, ты там скоро? Очень хочу поболтать с тобой

Галочки "прочитано" загораются мгновенно. Хмурюсь, не понимая. Она видит и не берет? Звоню еще раз. Гудки обрываются быстро и резко будто сбросили. Меня потихоньку начинает крыть. Это что еще за херня?! Набираю опять. Опять будто сбрасывают. Опять!!! Потряхивает мгновенно так, что я лежать больше не могу – сажусь рывком, снова набирая.

– Это Ариэль. Лиза сейчас не может подойти, – вдруг раздается в трубке ледяной мужской голос.

И гудки.

Мой помертвевший взгляд упирается в зеленую ткань палатки. Сжимаю и разжимаю телефон в руке, словно пытаюсь сделать из него эспандер. Внутри так стремительно и тяжело леденеет, что становится физически холодно, и тело будто прибывает к земле тысячей атмосфер. Размазывает по спальнику ровным пульсирующим слоем.

Я не хочу додумывать. Пытаюсь остановить поток мыслей в голове, но он словно ниагарский водопад, а я – всего лишь маленький человек, пытающийся его перекрыть, просто расставив руки. Сносит. Закручивает. Не хватает кислорода. И камень на самом дне, который разможит мне голову, уже в

каких-то паре миллиметров. Мысли перескакивают на вчерашние сутки и раньше, много-много раньше. Когда именно это с нами началось. Как часто я отмахивался, не слышал. Не потому что не хотел, а просто не знал, что ответить, что предложить своей жене. И потому слабовольно ждал, когда "перебесится".

Перебесилась, похоже. Вот.

Все слова, все ссоры, все упреки всплывают в голове. Как пули свистят. Дробят кости, застревают в мягких тканях, причиняют боль.

Я выходила замуж за другого человека... Ты ничего не хочешь, ни к чему не стремишься... Ты не слышишь меня... Ты только свои желания учиываешь... Я выходила за другого...

И я словно со стороны слышу, как огрызаюсь в ответ.

Иди-ищи себе получше, раз не устраиваю... Давай, вперед!

Мне сейчас не верится, что я это ей говорил. Я прово-рачиваю эти фразы в голове, вслушиваюсь в их звучание, и мне становится дурно до тошноты. Я сам это предлагал. Сам. Своей жене. Практически вбивал эту мысль в ее рыжую голову при любой ссоре. Это ведь проще, чем попытаться вникнуть в то, что она хочет от меня. О чем кричит. Вбивал, вбивал и, кажется, вбил на отлично...

Вот вам и другой такой-как-надо мужик...

Нет, не верю, что она могла...

Но как тут не поверить, а?!

Блять. Трясет. Набираю снова ее номер, но торможу. Не могу решиться, не знаю, что услышу и что услышать хочу. Опять оборванные гудки? Его?!

– Эй, Сань, можно?

Женский голос врывается в мой полыхающий мир так внезапно, что я не сразу фокусируюсь на его обладательнице. Не понимаю, чего от меня хотят. И Надя пользуется этим, залезает в палатку ко мне. Присаживается на мой спальник и протягивает мне большую жестяную кружку, до верху наполненную дымящимся глинтвейном. Машинально беру, наблюдая за ней.

Она, улыбаясь, отпивает из второй такой же кружки. Две принесла.

– Ты что такой странный? Не помешала? – интересуется, легонько толкая меня в колено.

Подвисаю. Не знаю, что ответить. Помешала, да. Но я один наверно сейчас сойду с ума.

– Просто там уже все разошлись, а мне не спится, – поясняет Надя, очевидно смущаясь моего молчания и начиная чувствовать себя неловко, – Смотрю, у тебя свет горит...

Кивает на не выключенный фонарь и замолкает, ожидая хоть какой-то реакции от меня.

– А, да? – откашливаюсь, голос глохнет, – Да, все нормально, не помешаешь. Я наверно... Даже рад...

Скупно улыбаюсь, пытаюсь сосредоточиться на госте.

– Слушай, тебе не холодно? Знобит что-то, – я лезу в рюк-

зак и достаю широкую походную свечу под Надиным внимательным взглядом. Чиркаю зажигалкой, поджигаю и выключаю ненужный теперь фонарь. На зеленой ткани палатки и наших лицах начинают танцевать отголоски неверного огня, тени ползут по кругу. Свеча так близко, что от нее сразу идет тепло, согревает озябшие руки. Еще бы все, что внутри заледенело, отогреть... Завороженно пялюсь на колышущийся маленький огонь.

– Саш, ты чего такой прибитый? Что-то случилось? – Надя пододвигается ближе, вжимаясь плечом в мое. Заглядывает в лицо, пытаюсь поймать взгляд, и в его голосе столько искреннего теплого участия, что меня корежит.

– Да так... – сжимаю переносицу пальцами, и говорю то, что совсем не собирался говорить. Это все момент. Этот полумрак, огонь, ткань палатки, отрезающая весь остальной мир, женское уютное участие и полный раздрай внутри, – Я не знаю, с женой поругались. Она уехала с друзьями. Сейчас в бане там какой-то люксовой. Трубку не берет... Мысли лезут...

– Мда-а-а... – тянет Надя, нахмурившись.

Протягивает свою кружку к моей. Молча чокаемся. Отпиваю большой глоток. Обжигает горло, греет нутро. Почти то, что надо. В голове начинает характерно шуметь. Крепкий какой, а.

– Ну Лиза вроде не такая, ты не переживай, – вставляет Надя, но так неуверенно, что только еще больше тошно.

Половина нашей деревни считает, что Лиза – как раз такая. Для меня это не секрет. Слишком прет от нее иногда какой-то аристократичностью, породой. Дистанцию держит, правильно говорит, манеры... Местных бесит это. Не своя. Но слышать это сейчас в Надиных словах – как гвоздем по стеклу. Еще одно напоминание, что жену ее жизнь со мной не устраивает.

– Не такая, да, – хмыкаю с сарказмом, еще раз отпивая.

Внутри вместо растерянности и тоски постепенно расцветает спасительная, все прожигающая злость.

Не такая... Да пошла она! Пусть русал ее ебет, раз такой. И опять в пропасть мысли. А он наверно уже и ебет... Сердце ударяется о ребра с размаху от мелькнувшей картинки. Не вздохнуть. Такая боль.

– Это она поэтому не пошла с нами? Друзей предпочла?

Слышу Надю сквозь вату. Перед глазами красная пелена.

– Да, предпочла. Они ей интересней... – глухо хриплю.

– Знаешь, мне не понять, конечно, – пожимает плечами Надя, – у меня, правда, нет семьи, но если бы была... Тем более как твоя... Такие дети, такой муж...

Надюха улыбается открыто и толкается плечом в мое плечо, раскачивая нас.

– Я бы каждую минуту берегла...

– Такой муж? – фыркаю, передразнивая ее идилические интонации, – Лиза, боюсь, с тобой не согласна. По части мужа.

– Ну и дурочка она, – Надя закатывает глаза, смеясь, перехватывает мою руку и крепко сжимает пальцы. У нее мягкая ладонь, приятная. Чужое тепло согревает похлеще глинтвейна. Дает иллюзию, что ты в этом мире не один. Нужен. Вот прямо сейчас. Учитывая холод внутри, очень заманчивый самообман.

– Не глупи, Саш, ты – отличный муж, прекрасный человек, самый лучший... – Надя подается ближе, чтобы смотреть глаза в глаза. Чувствую ее дыхание на своем лице. Очень вкрадчиво говорит, тихо-тихо. Две ладони сжимают мою руку.

– Она просто не ценит, привыкла наверно, что ты все для нее, не знает, как бывает по-другому. Если бы знала, и на шаг не отходила от тебя, – шепчет Надя словно заклинание, и меня ведет.

Да-да-да... Она сука просто... Я ведь стараюсь, да! Пошла она... В Сочи пошла, в Милан, на Марс, куда хочет пусть идет. Задрало это всё уже – вечно быть не пойми в чем виноватым!

– Саш, ты очень классный, правда. Не бери в голову, это не стоит того, – Надино лицо будто становится ближе, голос срывается на шепот, – Мы все тебя очень любим... Я тебя...

Вздрагиваю от едва уловимого касания губ. Будто не было. Но... Надины глаза двоятся от того, что так близко, в них завораживающе танцует пламя свечи и отражаются мою собственные горящие глаза. Ее слова нагретым медом растека-

ются по нервам... Ее тепло такое настоящее, живое, простое. Понятное. И я вижу в глубине ее расширенных зрачков, то что не видел уже так давно. Обожание, наверно даже любовь.

И я сам не понимаю, как подаюсь к Надьке и целую уже осознанно. Сам.

Глава 5 Сашка

Вкус ее губ и языка оглушает. То, как все это ощущается по-другому. Слишком непривычно. Странно.

По венам пульсирует – не моя. Чужая.

У меня так давно не было других женщин, что происходящее воспринимается каким-то сюрмом. Запретным и возбуждающим. Не тянет на мою реальность. Чисто физически вспыхивает болезненный интерес, как там все у нее, как это с ней... Инстинкты.

А в голове столько мыслей разом, что не слышу четко в итоге ни одной. Месиво. Какие-то рваные колючие чувства и эмоции, не обличенные в связные предложения.

Надя подается ближе, обвивает руками мою шею. Льнет так, будто умрет сейчас, если оттолкну. Приподнимается на коленях, собираясь сесть на меня сверху. В этот момент прошивает паническим уколом. Это уже совсем не тянет на безобидный поцелуй. Отстраняюсь, облизывая губы, но она как лиана за деревом – за мной.

– Сашенька, Саш, пожалуйста... – в ее умоляющем шепоте столько... Не знаю. Обожания, желания, ласки, что я отпускаю ситуацию. Так по шерсти мне.

Будто рубильник дернули – отключаюсь. Почему нет? Живая, теплая женщина. Очень хочет меня. И я тоже ее хочу. Стоит уже так, упираясь в ширинку, что больно.

Снова целуемся. Жадно и горячо. Торопливо, будто в любой момент кто -то из нас может передумать и этого допустить никак нельзя. Надя усаживается на меня сверху, откидываюсь спиной на рюкзак. Руки беспорядочно шарят по ее телу. В нем все не так, как я привык.

Жилистая, спортивная... Крупнее...

Забираюсь под кофту, исследую живот с проработанными мышцами, твердые бока. Лиза совсем другая, хоть и худенькая. Мягкая, изнеженная, и кожа на ощупь теплей. От того, что сравниваю, что не могу не сравнивать буквально ошпаривает. Злостью, обидой, чем-то еще дико горьким, что невозможно терпеть.

А она сравнивает меня?!

Накрываю ладонями женскую грудь, пока Надя, ритмично всасывая мой язык, лезет к моей ширинке. Сиськи зачетные у нее... Это какой вообще размер? У Лизки маленькие... Даже после детей. Зато как у девочки. И очень аккуратные, чувствительные соски. У Нади на ощупь просто огромные ореолы. Они темные? Задираю ее кофту, чтобы посмотреть. Угадал. Трогаю – утробно стонет. И сжимает в руке мой член. Опять целует меня в губы, начиная надрачивать. Мысли из головы окончательно вылетают – делает она это хорошо. На инстинктах расстегиваю ей ширинку, запускаю руку в трусы, трогаю там. Мокрая, горячая, пахнет возбуждением. У нее более мускусный, резкий запах, чем у...

Да блять! Снова мысли туда, к стервозной Киске...

На волне агрессии кусаю ни в чем не повинную Надю за нижнюю губу. Стонет, прижимаясь ближе и потираясь оголенной грудью о мою термовку. Хорошо хоть, что, похоже, не понимает, о чем думаю...

Половые губы длиннее... Раздвигаю, погружаюсь внутрь двумя пальцами. Выгибается навстречу, сжимая фаланги внутренними мышцами. Ее кулачок начинает быстрее двигаться на моем стволе. Я прикрываю глаза. Тело напрягается, предчувствуя разрядку. Еще чуть-чуть...

– Саш, на член твой хочу... Трахни меня, м? Санечка, пожалуйста...

С трудом вообще понимаю, о чем она. Мозг окончательно вниз стёк.

– У меня резинки нет, – бормочу через пару секунд, направляя ее остановившуюся руку и предлагая продолжить.

– Есть у меня.

Достает серебристый квадратик из заднего кармана. Облизываю губы, пялясь на него. В голове гул шумящей крови. Заторможено смотрю, как Надя рвет фольгу зубами, потом опускает голову и пару раз глубоко берет в рот. Бедрa непроизвольно дергаются навстречу. Туда, где мокро и горячо. Надя выпрямляется, улыбаясь влажными губами, и ловко раскатывает резинку по стволу. Привстает и стягивает штаны с трусами до колен, а потом поворачивается ко мне задницей и выгибается как кошка, занимая коленно-локтевую. Зрелище в неясном свете походной свечи – будто порнуху вклю-

чил. Чужая, темная, блестящая от соков промежность и на-
каченные круглые ягодицы. Опять накрывает, что это все не
со мной... Туплю, подвисяю. Не понимаю, что происходит,
что ощущаю, кроме естественного инстинктивного возбуж-
дения. Но я же не животное... да?

– Са-аш... Сашенька..– хрипло мурлыкнув, зовет. Виляет
задницей. Протягивает руку назад и достает мой член, гла-
дит, сжимая головку.

Машинально подаюсь вперед. Сначала в ее кулачок, а
потом и в подставленную дырку. Прикрываю глаза, крепко
схватив за бедра и сразу начиная размашисто трахать, го-
нясь за своим удовольствием. Цели потянуть время, про-
длить – нет. Наоборот – быстрее бы уже. Надя хрипло скулит
в спальник все громче, на глазах покрываясь испариной. За-
тыкаю ладонью ей рот, чтобы не шумела. В ответ выгибает-
ся, привставая, дрожит. Ей похоже, когда поглубе – в кайф.
Предательски мелькает, что Лизе тоже нравится иногда. Как
ножевое.

Твою ма- а-ать. Остервенение какое-то накрывает. Вот я
сейчас мудака. Или она... Да пошла она!

– Тише, – рычу на стонущую в спальник Надю.
Бесит вдруг все.

Кошусь на колышущееся пламя свечи рядом. Блять, на-
деюсь, нас не подсвечивает. Тушу. Палатка погружается во
мрак – только наше сбитое дыхание, влажные шлепки, за-
пах...

Запах не тот...

Жмурюсь сильнее, резко дергая чужие твердые бедра на себя. Низ позвоночника простреливает коротким болезненным жаром. Член дергается внутри, сдавливаемый горячими стенками. Отпускаю Надю тут же, тяжело дыша. Стягиваю презерватив, вжимаю ширинкой, закрываю ладонью глаза.

Возбуждение затухает, но вместо обычной кайфовой расслабленности после секса накрывает вдруг тянущая, ледяная пустота. И страх.

Мне становится страшно.

В крошечной темноте слышу, как Надя копошится, приводя свою одежду в порядок. В прогретой нашим дыханием палатке повисает тяжелое тягучее молчание. Малодушно хочется, чтобы она сейчас просто, без слов ушла. Я не знаю, что сказать на всё это. Облегчения после разрядки и близко нет. Наоборот – как в прорубь нырнул. Еще чуть-чуть, и зубы застучат.

"Зачем?" – это вопрос начинает пульсировать в голове с такой нарастающей силой, будто его вбивают кувалдой.

Вопрос "а дальше что?" не хватает смелости себе задать.
– Сань, – Надя, шумно вздохнув, садится рядом.

Понимаю это по прижавшемуся к моему плечу ее плечу. Вокруг крошечная темнота. И это хорошо. Не хочу смотреть в глаза. И чтобы она в мои смотрела – не хочу тоже.

– М?

– Уже жалеешь? – спрашивает дрогнувшим голосом.

От необходимости что-то отвечать меня спасает оживший телефон. Тянусь за засветившимся гаджетом чуть ли не с благодарностью. И со свистом выпускаю воздух из легких, когда читаю пришедшую смс.

Лиза: Саш, извини. Пошла в СПА с Кирой сразу после ужина и забыла телефон на столе в ресторане. Сейчас можно позвонить?

На секунду темнеет в глазах. Кадык дергается, пытаюсь сглотнуть и не могу, во рту собирается противный разъедавший привкус желчи. Перечитываю несколько раз сообщение от жены, чувствуя, как постепенно прошибает холодным потом. Осознание накатывает медленно, но такой невероятной тяжестью, что... Твою ма-а-ать!!!

– Саш? – Надя дергает меня за локоть, пытаюсь привлечь к себе внимание, но мне вообще не до нее.

Собирая остатки самообладания, набираю ответ. Это не так-то просто – пальцы дрожат как у алкаша.

Саша: Нет, уже спим

Прочитала. Печатает. Стирает. Опять печатает. От того, как, не мигая, пристально пялюсь в экран, слезятся глаза.

– Саш, это Лиза пишет? – напряженно шелестит Надя рядом.

Молча киваю, не поворачиваясь к ней. Просто не могу взгляд поднять. Место на плече, где мы соприкасаемся, будто окаменело. Тянет стряхнуть это ощущение.

– Мне лучше уйти? – взвывается ее голос, дрогнув.

Я понимаю, что ей наверно обидно это все, но не знаю, что с этим делать. Да и не успеваю ничего ответить, потому что наконец приходит сообщение от Лизы.

И лучше бы я его не читал.

Лиза: Саш, ты прости меня. Я тебя очень- очень люблю. И хочу уже к тебе. Ты же знаешь, что я тебя люблю, правда?)))

Из горла вырывается придушенный судорожный всхлип, зажимаю рот рукой. Строчки расплываются перед глазами, во рту как-то солоно. Мотаю головой, словно пытаюсь отмести эти эмоции, которые не помещаются в меня. Она будто знает. Наотмашь бьет. Издевается.

Саша: Это ты меня прости. Кис, я люблю тебя

– Кажется, мне пора, – ровно выдает Надя, перегнувшись через мое плечо и взглянув на экран. Хлопает по плечу, вставая, – Не загоняйся, Сань, ничего не было.

Просыпаюсь с чугунной головой. Перед сухими глазами танцуют красные мушки. Вырубился я лишь на рассвете. Да и сейчас солнце еще только-только начинает светить на полную. Нащупываю рукой телефон и, сощурившись, чтобы сфокусироваться, смотрю на дисплей. Половина восьмого утра. Можно поспать еще часик, но я уже не смогу наверно...

В голову такое лезет, что, кажется, ее сейчас разорвет. Тревога съедает изнутри. Страх почти животный, что все откроется.

Лиза меня за такой финт не простит. Никогда. Даже в параллельной вселенной представить такое сложно.

У нас итак все было шатко. Не все время, иначе бы это был вообще мрак, и...

И наверно я бы так не переживал. Толку скорбеть над ужедохлым браком.

Но он не был дохлый, и сейчас от этогодохну я.

Большую часть времени у нас все было хорошо, дажеотлично. Мы не ругались, смеялись, у нас был налаженный быт, никого не выматывающий, уже взрослые, вполне самостоятельные дети, простоя в интимной жизни вообще не было никогда. Даже в самые тяжелые моменты мы не доругивались до такого, чтобы неделями не хотелось трогать друг друга.

Эти приступы раздражения внутри отношений накатывали волнами, словно сезонные обострения у шизофреников, и схлынивали через неделю - две как ни в чем не бывало. Опять наступали штиль и ласковая тишина.

Наверно, что-то копилось, да. Я признаю. Наверно, должно было рвануть когда-нибудь.

Но не так же. Не так...

Нас ждал взрыв ручной гранаты, а я по дурости скинул атомную бомбу. И детонатор застрял, не сработал. Но я знаю, что она рядом лежит и может расхерачить все в любой момент.

Как теперь с этим жить?!

Катастрофа ощущается так близко, что мысль в голове по сути одна.

Я не представляю свою жизнь без Лизы.

Я достаточно неприхотливый человек. К тридцати годам у меня уже было все, что мне нужно для того, чтобы просыпаться с чувством, что я не зря этим утром открываю глаза. Чтобы ощущать глубинное удовлетворение от своей жизни.

Я выкупил у партнера долю в нашем туристическом комплексе, рассчитался с Лизиним отцом и еще парой инвесторов и стал ни от кого не зависим, растил двоих разнополых чудесных детей, построил дом, занимался любимым делом и взял в жены женщину, которую любил, и которая бесспорно любила меня.

Да, бывали разные периоды и в семье, и в работе, жизнь – не шоссе без кочек, и в глобальном смысле я был удовлетворен. Мне было не так много и надо, но, убери хоть один кирпичик – и все посыпется.

Это был мой максимум и минимум одновременно.

Как без Лизы? Как...?

Я не готов даже думать об этом. Попытаться представлять. Она просто есть в моей жизни и все. Как есть у меня две почки. Да, я в курсе, что можно и с одной. Но это инвалидность на всю жизнь. Короткую, неполноценную жизнь.

Я не хочу неполноценную...

Надя сказала, что "ничего не было". Есть надежда, что дальше нас это не уйдет.

Была глубокая ночь. Надя не из тех, кто болтает. Тем более, если пообещала. Мы знакомы давно. И перед ней мне в итоге тоже дико неудобно. Я хорошо к ней отношусь, но не уверен, что она теперь относится ко мне так же.

Но на фоне возможных проблем с Лизой эти мысли просто не состояниии надолго задерживаться в моей голове.

Главное, что будет молчать. Значит надо просто забыть об этом.

Ничего не было... Да.

Все совершают ошибки... Даже самые дебилы...

Сука, все равно как же тошно и потряхивает, а...

Не в силах больше оставаться в нагревающейся от утреннего солнца палатке, выхожу наружу, прихватив куртку с собой. Природа вокруг так совершенна и чиста, что от диссонанса с тем, что снаружи и внутри меня, становится почти физически больно. Вдыхаю звенящий горный воздух, и он словно не втягивается в легкие. Там все забито давящей духотой.

Я не курю, но именно сейчас желание сильное. Бреду к палатке Теймураза, щурясь от яркого утреннего солнца. Снег весело искрит, хрустит тонкой коркой под ногами, сосны вокруг... Небесная лазурь как издевательство. Хочется туч, тяжелой серости, мокрых колючих хлопьев прямо в лицо... Чтобы переключиться на внешнее и не думать.

Стреляю сигарету у сонного приятеля и бреду дальше к ущелью. Разряженный кристальный воздух постепенно за-

полняет желанной пустотой разрывающуюся от мыслей голову.

Я скольжу взглядом по открывающемуся виду, и мне просто красиво.

Вспоминаю, как мы с Лизой были на этом самом месте пару лет назад. Но это такие светлые моменты, что даже сейчас я не чувствую от них горечи.

Ее улыбка и манящий взгляд выжжены где-то на сетчатке – ложатся фильтром на ультрамариновое небо и редкие облака.

Спускаюсь за скальные выступы за стоянкой и тут притормаживаю. На бревне над самым ущельем, к которому я и шел, уже сидят.

Причем мой Левка. Еще и курит...?!

Так, это что, блять, за фокусы?! Сую добытую у Теймураза сигарету в карман и, хмурясь, спускаюсь по сыпучей тропинке к сыну.

– Эй, ты не охренел? – интересуюсь, когда оборачивается, – Ты что? Куришь?! С каких пор?!

Сын только хмыкает в ответ и показательно делает глубокую затяжку, от которой с непривычки закашливается до слез. Этот глупый протест так не свойственен ему, что я притормаживаю, смотря малому в глаза.

Левка обычно побаивается меня в таких моментах. Не хочет косячить. А сейчас глядит с каким-то отчаянным вызовом в упор, даже сквозь проступившие слезы.

Внутри тревожно и звонко дергается натягивающиеся струна. У сына взгляд такой странный...

Будто...

– А ты с каких пор тетю Надю прешь, папа?

Дзынь. Струна лопается, рассекая внутри все органы.

Внутри образуется плотный вакуум. Закладывает уши. Сердце натурально останавливается, пока смотрю в Левкины враждебно и так беззащитно сверкающие глаза.

Его боль осязаема, и ее причина – я. Невыносимая какая-то правда.

Это ведь мой ребенок! У нас всегда была сильная связь. И мне так легко сейчас впитывать его эмоции.

Они противно позвякивают запредельным напряжением, бегут по венам вместо крови, заполняя каждый несчастный капилляр. Я чувствую их металлический горький привкус на языке, вдыхаю их гарь вместо кислорода.

Не выдерживаю – отвожу взгляд – слишком болезненно. Сложно такое про себя принимать.

И, стоит опустить глаза себе под ноги, как сердце тут же с разбегу ломает ребра и начинает больно частить. Вся кровь приливает к голове. Шумит словно при контузии.

Так, надо что-то делать...

Глупо просто молчать. Это не сон. Это моя реальность. А реальность требует действий.

Покачиваясь, как пьяный, иду к сыну, доставая из карма-

на сигарету, которую стрельнул у Теймураза. Сажусь рядом с Левкой на бревно. Он отодвигается, чтобы меня не коснуться. Словно я прокаженный. Такая мелочь, а режет глубоко.

Чиркаю зажигалкой, щурясь от утреннего солнца и терпкого дыма раскуриваемой папиросы. Руки заметно дрожат, но даже не пытаюсь это скрывать. Мы оба дрожим так, что, кажется, сейчас раскатаем под собой несчастное бревно.

Левка рядом как натянутая струна. На меня не смотрит, дышит судорожно, глаза болезненно блестят. Весь красными пятнами пошел. И не обнять, не утешить.

Блять...

– С чего ты это взял? – откашливаюсь, убирая раздражающую сухость в горле.

Левка кидает на меня ненавидящий влажный взгляд.

– Сам видел. Пока ты свечку потушить не додумался. Я поссать вставал, – у него даже слова вибрируют как расстроенная гитарная струна.

Эту дрожь мне слышать дико больно... Сыночек мой. Я не могу пока с этим справиться, не знаю, как себя вести, что говорить. Что?

Мне жутко, что причина его сухой истерики – я. И одновременно даже гордость какая-то ненормальная за него. Так держится. Я не знаю, как бы, будучи таким сопляком, я держался.

Опять не выдерживаю и туплю взгляд себе под ноги. Молчим. Левкино дыхание такое рваное, шумное...

– Это только вчера было. Один раз. Ошибка. Мы с матерью поссорились, и я... – хриплю наконец не своим голосом после пары глубоких затяжек, – Это больше никогда не повториться... Лёв, слышишь меня?

Срываюсь, повышая тон, хватаю его за плечо, чтобы посмотрел мне в глаза. Сын глядит, будто представляет, как мне в упор стреляет в лоб и сразу отворачивается. Рывком выдирает рукав своей куртки из моего кулака.

– Не смей меня трогать, – сипит.

– Извини.

Замолкаем.

– Лёв, этого больше не будет, – повторяю глухо.

– Это ты матери рассказывай, – фыркает нервно и добавляет едва слышно, – Она тебя никогда не простит...

– Да, не простит, – повторяю эхом, – Я бы не хотел, чтобы она узнала. Она уйдет. Лёв...

Сглатываю ком в горле, не в силах говорить дальше. Лицо горит от того, что хочу предложить собственному ребенку. Но я не знаю, не вижу сейчас другого выхода.

– Лёв, я очень твою маму люблю... – голос срывается и опять странно щекочет в носу, говорить все труднее. Будто все ребра в грудь вдавили.

– Не любишь! Не вешай мне! Разве так поступают, когда любят! – запальчиво перебивает меня Левка со своим максимализмом зеленой юности. Вскакивает с бревна, почти кричит, в глазах слезы – Ты – предатель! Ты... Хуже предателя!

Ты... Ты ненавижу тебя, ясно?! Никогда не прощу!

– Лёвка!

– Вообще не обращай больше ко мне, понял? Видеть тебя не хочу! Хочешь, чтобы я молчал? Ок! Живи с этим! Разбирайся сам! Мне плевать! Мне плевать на тебя! Все, пока!

Пятится назад, выкидывая недокуренную сигарету. Смутно вижу его бордовое от эмоций лицо, все застилает пелена. Он меня сейчас просто расстрелял. Не могу дышать.

– Ребят, доброе утро! – на тропинке из-за скальных выступов внезапно появляется Нина с пустыми котелками в руках, – Вы что тут?

Левка замирает на мгновение, а потом, ни слова не сказав, сбегает от нас. Нина провожает его озадаченным взглядом. Пользуюсь моментом и вытираю влажные уголки глаз. Только ее не хватало... Блять. Хоть бы не слышала ничего.

– Что это с ним? – интересуется Нина у меня.

– Забей, нормально все, – встаю, отряхивая штаны и старательно пряча взгляд.

– А с тобой? – упорно пытается его поймать, заглядывая мне в лицо.

– И со мной... Ты за водой шла, Нин? Вот иди за водой. Мне будить всех пора.

Глава 6 Сашка

Бреду к стоянке в какой-то прострации. Масштаб разрушений только начинаю осознавать. Он слишком глобален, чтобы вместиться сейчас в мою раскалывающуюся голову.

Левка знает.

Это – катастрофа.

Я просто хотел все забыть, убедить даже самого себя, что ничего не было. Дурной бредовый сон. Но как забыть, когда от тебя начнет шарахаться собственный сын?! И Лиза же не слепая – сразу заметит.

Да и как это на Левке отразится?! Ведь отразится, да...???

По хорошему его к психологу наверно надо вести или что вообще делают в таких ситуациях?!

От мыслей, что он нас видел, пусть и просто размытые тени, во рту собирается нестерпимая стыдливая горечь. По спине стекает холодный пот. Хочется прикрыть глаза и никогда не открывать.

Что за треш, а? Что теперь?

Лиза придет, и сразу все ей рассказать? Это – стопроцентный развод. Никакие мои оправдания не помогут, да у меня их нет...

Не подумал? Забылся? Решил, что и Лиза тоже...?

Это все такой бред – вот сейчас утром, когда ярко светит

зимние солнце, и все видится слишком отчетливым и резким. Даже в мыслях звучит жалко, не то, что вслух.

Правда в том, что я не знаю, что на меня нашло. Как-то все собралось, сконцентрировалось в одной точке и жажнуло.

Я к этому не стремился. Даже никогда особо не представлял, не задумывался. Не только с Надей. Вообще. Конечно я не слепой, не святой и реагирую на других женщин. При виде красивой естественно мелькает в голове что-то вроде "зачетная задница" или "вот это ноги", простреливает неясный эротический образ, поза, ощущение. И всё. Рефлекс, никогда не заходивший дальше смутных мимолетных фантазий.

Просто у меня было достаточно женщин до жены, и в общем... всё там одинаково. Разницу придают эмоции, чувства, игра. Вот это с Лизой всегда было особенным, всегда цепляло меня. Она будто знала все мои слабые точки, интуитивно на них давила.

А с Надей... Я не знаю, что это было. Мне и неловко теперь, и есть какая-то злость на нее – зачем вообще пришла! Не пришло бы – не было ничего... Но переложить все на нее даже в мыслях не получается. Сам мудака...

Перед самой стоянкой замедляю шаг. Потом и вовсе останавливаюсь. Облокачиваюсь спиной о сосну и с остервенением тру лицо.

Так, надо прийти в себя...

Собратся. Еще ж группу вести... Вернемся домой, Лиза прилетит и там разберемся, да? Посмотрю по Левке... Как

он сейчас будет вести себя. Если так и будет штормить, то признаваться. А то сломаю себе парня...

А дальше что?

Значит развод...

Горло сдавливают ледяным обручем. Пиздец... А Алиска как это воспримет, а? Она от любой мелкой ссоры нашей плакать готова. Лиза... Даже представлять страшно, что я увижу в ее глазах. Опять голову разрывает. Мозг в ошметки.

И какого хрена только Лёвка вышел поссать?!

Рвано выдыхаю. Сгребаю снег с пушистой ветки и протираю лицо. Колючая ледяная влага немного отрезвляет. Тряхнув головой, иду на стоянку. Не вечно же тут стоять – страдать. Надо что-то делать. Жить дальше. Стараться правильно.

Кто бы еще сказал, как теперь правильно...

На стоянке уже оживление. Только что проснувшиеся туристы вяло бродят от столов под навесами до костра, который сейчас разжигает Теймураз, и обратно. Кто-то уже потихоньку начал собирать палатки. Женщины суетятся около импровизированной кухни, организуют завтрак. Мазнув по ним взглядом тут же выцепляю Надю. Внутри мгновенно давит раздраженной виной при виде нее.

Лучше бы ты не заходила, а... Какой черт тебя принес?!

Надька будто чувствует мой тяжелый взгляд, поворачивает голову, смотрит в ответ. И через секунду так душно краснеет, что это видно даже с того приличного расстояния, на

котором я нахожусь от нее. Кивает и быстро отводит глаза, обращаясь к одной из девушек.

Тоже жалеет?

От этого почему-то становится немного легче. Что это ошибка не только для меня, но и для нее. Ошибка для всех.

Боковым зрением выхватываю длинную худющую фигурку Левки и тут же забываю о Наде. Все внимание переключается на него. Сгорбился, на плечах уже собранный рюкзак. Идет четко к Теймуразу, в мою сторону даже не косится, будто у него шея в эту сторону не поворачивается. Подходит к Тему и что-то сбивчиво ему говорит, от чего мой приятель встает с корточек и начинает заметно хмуриться. А потом вдруг машет мне рукой, подзывая.

– Сань, иди сюда!

– Ну заче-е-ем?! – читаю по губам сына.

Иду к ним, внутри опять нарастает напряжение, пробивая все возможные стопы. Что опять?

– Сань, Лёвка обратно домой собрался. Говорит, плохо ему, – хмыкает обескураженно Теймураз, когда подхожу к ним.

– В смысле домой? – оседаю я.

Перевожу на сына ошарашенный взгляд – тот свой отводит, только желваки на мальчишеских гладких щеках заметно прокатываются.

– Вот так... Домой... Один! – разводит руками Теймураз и наотмашь рассекает ладонью воздух, – Так, сами тут, короче,

разбирайтесь, я пошел!

Достает из-за уха сигарету и, похлопав меня по плечу, уходит к навесам. Остаемся с сыном одни. У меня сразу во рту пересыхает. Одни маты и в голове, и на языке. Ну вот что он выдумал, а?!

– Лёвка, не дури, – цежу сквозь зубы, – Никуда ты не пойдешь.

– Пойду, – упрямо бурчит, рассматривая свои ботинки, – Я дорогу хорошо знаю, ничего со мной не будет. И минуты здесь больше быть не хочу...

Шмыгает носом, горбясь еще сильнее. Провалиться на месте хочется от этого всего... Дурдом...

– Нет, один ты никуда не пойдешь. С ума сошел? Хочешь, вместе вернемся. Прямо сейчас.

– С тобой не пойду, – кидает на меня быстрый затравленный взгляд и снова тупит под ноги.

Упертый мелкий баран!

Так он меня злит сейчас, и такая беспомощность вместе с этим накрывает...

Я в каком-то личном аду!

Молчим. Левка упрямо сопит. Переубедить не получится – вижу... Вот же дурачок...

Ну вот что мне с ним делать, а?

– Ну а как еще, Лёвка? – такая безысходность накатывает, хочется выть, – Ну давай Теймураза попрошу. Не пойдешь ты один, понял меня?!

Молча кивает на это. С Теймуразом пойдет, значит. Обидно, что и говорить.

Так...Ладно...

Озираюсь в поисках Теймураза, а он уже и сам к нам идет. Удачно как, горько усмехнувшись, отмечаю про себя. Хоть что-то так, как мне надо этим долбаным утром.

– Сань, слушай, тут такое дело, там эта Лена, что из Самары, ногу подвернула вчера. Никому не сказала, а с утра опухло все, идти не может. Надька решила ее с мужем обратно потихоньку отвести. Могут и Лёвку, раз такое дело, прихватить. Ты, Лёвыч, как? С Надей пойдешь? Или передумал уже?

Теймураз переводит вопросительный взгляд на сына. Тот жуёт губы, медля. Влажно и зло сверкают глаза. Косится на меня врагом и кивает.

– С Надей пойду, – сипит.

Снова кидает быстрый взгляд на меня, а потом опять смотрит только на Теймураза.

– Все тогда, давайте, пока...

Поправляет рюкзак на тощих плечах и плетется к Наде. Провожая его взглядом, онемев.

Шикарно, блять...То есть даже Надя лучше, чем я?!

– Что это с ним? – интересуется Теймураз, щурясь.

– Да так...подросток...о своем...– рассеянно бормочу я.

– Ну понятно, у моей Гульки тоже бывает, да, – вздыхает Теймураз.

В этот момент из дальней палатки выглядывает заспанная, лохматая Алиска. Зевает, потягивается, трет не открывающиеся глаза и почти по приборам бредет ко мне. Обнимает с размаху за талию, упирается помятой мордашкой в живот, повисает.

– Привет, пап, – сонно-сонно бурчит, раскачиваясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.